

LiteraruS – Литературное слово 4(45), 2014 (зима)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

Главный редактор
Людмила Коль

Редакционный совет

Александр Авеличев, Тимо Вихавайнен, Игорь Воловик, Арви Пертту,
Сергей Погребов, Галина Пронина, Ирина Савкина, Елена Хеллберг-Хирн

Корреспонденты

Полина Копылова (Финляндия), Светлана Матссон-Попова (Швеция),
Нина Гейдэ (Дания), Юлия Лалуа (Франция), Евгений Степанов (Россия)

**Компьютерная графика
и макет обложки**

Таня Варонен

Web-мастер

Евгений Малицкий

Журнал имеет 6 выпусков в год, №№1–4 выходят на русском языке

Подписка на журнал принимается

по e-mail: litararus@kolumbus.fi

по тел.: +358 40 5121618

Информация о журнале расположена на сайте:
www.litararus.org

Журнал публикует произведения авторов, живущих в Финляндии, Скандинавии и других странах, а также российских авторов, пишущих на финские темы; тексты принимаются по e-mail

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения редакции

Материалы публикуются на безгонорарной основе

Издатель: **LitararuS**

Y-tunnus: 1538941-8

При участии LitararuS ry

Печатается в типографии GRANO

© **LitararuS**, 2014

Издание осуществляется в рамках Проекта «LitararuS»
при поддержке Министерства образования и культуры Финляндии

ISSN 1459-2673

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Римма Маркова. Полина Копылова. Алексей Филимонов 5

НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Светлана Ляшенко. Неутомимый путешественник 8

СТУДИЯ

Ася Умарова. Тире, рассказ 16

ПРОЗА

Игорь Воловик. Ноктюрн для левой руки, новелла (продолжение) 22

ВОСПОМИНАНИЯ

Марианн Жюкелье-Веригин. Отец – далеко и так близко 28

ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ

Города Балтии (Фото: **Таня Варонен**) 53

ИНТЕРВЬЮ

Людмила Коль. В исповедальном тинг-понге (Интервью: **Людмила Луцевич**) 55

СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА

Лемпи Яаскеляйнен. Семейство Векрутов, гл. 12–16 (Пер. с фин.: **О. Артюхина**) ..60

АНОНС

Знаете ли вы Хельсинки? 75

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Степан Гавриленко. Дневник. О прошлом году (Публикация: **Жан Гавриленко**) 76

ЭХО

Юбилейный семинар 96

Адрес: Парнас, Дельфы 97

Бельгия: на связи UMONS 98

Набоковские чтения-2014 100

Москва, Домрусского зарубежья 101

Юбилей 102

НОВАЯ КНИГА

Волшебство сказки (**Герман Власов**) 103

История в деталях и детали в истории (**Кирсти Эконен**) 104

ОБЪЯВЛЕНИЯ 108

Художественное оформление: *Города Балтии*.

Стр. 1: **Таня Варонен**. *Хельсинки*, стр.2: **Таня Варонен**. *Таллинн*

Светлана Ляшенко

Искусствовед. Окончила Санкт-Петербургский Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской Академии художеств, является соискателем ученой степени кандидата искусствоведения по кафедре русского искусства выше названного института. Тема диссертационного исследования: «Творческая и художественно-педагогическая деятельность Н. С. Самокиша». Самокиш – один из художников, оформлявших в конце XIX века издание «По белу-Свету» (Путешествия доктора А.В. Елисеева)

Неутомимый путешественник. Доктор А.В. Елисеев в Финляндии

На рубеже XIX–XX вв. в России наблюдалось стремительное развитие книжного и печатного дела, открывались новые типографии, оснащенные современным оборудованием, налаживался выпуск новых, популярных журналов и книг, массовыми для того времени тиражами. С 1878 г. в научных периодических изданиях начинают печататься описания путешествий Александра Васильевича Елисеева.

Александр Васильевич родился в 1858 г. в Свеаборге, в семье русского обер-офицера. Военская часть, где служил его отец, часто передвигалась по всей Финляндии, и Александр исколесил вместе с ней всю страну «близкую к Гиперборейскому морю». Он проводил целые дни в лесу, в горах, на берегу моря под присмотром старого севастопольского моряка Петра. Еще в детстве у него проявились любовь и интерес к природе. Во время прогулок, мальчик задавал множество вопросов старику, но верный, заботливый друг не мог дать на них ответы, повторяя лишь, что все происходит от Бога. Поэтому он понимал, что надо было получить научную подготовку. Учиться Александра определили в одну из гимназий Кронштадта.

Гимназистом, он совершил свое первое самостоятельное путешествие в Финляндию вместе со своим товарищем Гибсоном. «...Финляндия, бывшая моей родиной, сильнее всего привлекала меня не только по воспоминаниям детства, но и своею дикою и величественною красотой». Летом 1875 г. друзья в шведских кожаных куртках, высоких походных сапогах и гимназических кепи, вышли из Выборга по старой иматрской дороге. В дорожных сумках путешественников лежали пледы и ольбекопке – дождевики, сделанные из полотна, пропитанного олифой. Хорошая двустволка, небольшие бульдоги и финские ножи пукко составляли их вооружение.

Добравшись до знаменитого водопада Иматы, они несколько дней осматривали как главный порог, так и второстепенные каскады с великолепным водоскатом Иматракоски. Оттуда они совершили трудный переход к берегам Саймы – самого крупного озера Финляндии и далее к красивейшему урочищу Пункахарью, «брошенному наподобие моста через красивое озеро Пурувеси, с его волшебным видом на причудливую панораму многочисленных озер, островков, холмов, покрытых лесами, смотрящимися в зеркало покойных серебристых вод».

Путешественникам довелось увидеть настоящие коты – шалаши, сделанные из сосновых кольев в виде конического шатра, покрытого юрой и ветками. Эти коты составляли некогда единственное жилище древних финнов (во время путешествия Елисеева они служили кухней для летнего времени года).

Не имея возможности тратить на лошадей, наши герои совершали длительные переходы пешком и добрались до Ботнического залива, посетив город Улеборг (Оулу).

В это первое путешествие семнад-

А. В. Елисеев

цатилетний юноша Александр Елисеев, разумеется, не мог преследовать каких-то научных целей, он отправился вглубь интересовавшей его страны лишь для удовлетворения своей страсти к полудикому кочеванию, охоте и жизни в болотах и лесах. Однако в его планы входило коллекционирование по всем царствам природы. Он намеревался также изучить большинство местных растительных и животных видов и проверить факты, вычитанные в книгах.

Ранней весной 1877 г. Елисеев снова отправился в Финляндию. На этот раз он намеревался познакомиться с жизнью карелов и тавастов, представляющих восточную и западную ветви финно-угров, а также побродить по шведской Финляндии и выяснить некоторые вопросы, возникшие в прошлую поездку.

Елисеев весьма поэтично описывает природу Финляндии и каждый раз

уточняет, что эта страна была его родиной: «она взрастила меня и дала первые сильные впечатления моей жизни». «Надо самому видеть всю своеобразную прелесть финляндской природы, где камни, водопады и леса переплетаются между собой, образуя чудные ландшафты, – чтобы понять наши путевые впечатления. Особенно прекрасны пейзажи Финляндии, когда их заливают лучи заходящего солнца. Мрачные хвойные леса тогда кажутся живыми, а их отражения в зеркальной поверхности озера – каким-то особым миром, глядящим из глубины воды. Дикая скалы, покрытые лишь мхом и лишайником, загораются золотом, пурпуром и огнем, а тихие озера кажутся опромными зеркалами, вправленными в рамку скал и лесов для того, чтобы отражать красоту неба и расцвеченной солнцем страны. Еще волшебнее кажутся вечера и лунные ночи на многочисленных порогах, которыми так богата Финляндия – страна порожистых рек, каскадов и вообще производных камня и воды».

Но не только красоту родной Финляндии описывал путешественник. В 1880 г. вышла в свет его работа «Антропологические заметки о финнах». В ней молодой ученый высказал мнение, что зависимость человека от условий климата и почвы лучше всего иллюстрируется в Финляндии. «Прекрасною, но вместе с тем и строгою матерью является по отношению к своим детям Финляндия... ничего не дает она даром, каждый кусок хлеба достается тяжелым трудом. Бытовые условия вместе с суровым климатом являются главным фактором, влияющим на характер и тип населения».

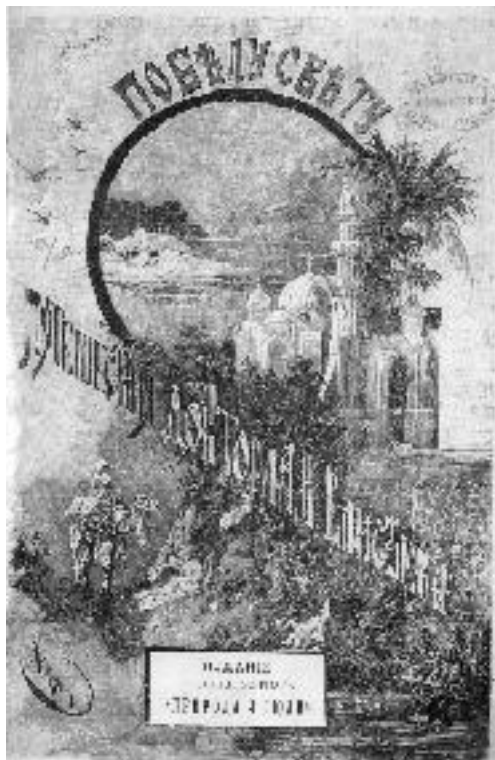
Интерес Елисеева к окружающей природе был по истине неиссякаемый. Еще одной задачей этого путешествия было собирание птичьих яиц и их описание.

В эту поездку им было положено основание его впоследствии знаменитой коллекции яиц, которая увеличивалась при каждом путешествии и в результате насчитывала более трехсот пятидесяти экземпляров, относящихся к различным видам птиц.

Большое внимание во время своих путешествий Елисеев уделял народным преданиям. «Кому приходилось слушать в дебрях Финляндии, в глуши ее скалистых лесов, над гладью горных озер, вдали от всего цивилизованного мира, финскую песню в устах слепого барда, поющего с кантеле в руках, тот поймет, что песни Калевалы выражают такую массу ощущений, что можно быть очарованным неподражаемой мелодией и трогаящим душу мотивом». Вещему рунопевцу Вяйнемейнену – герою карело-финского эпоса Калевала – Елисеев посвятил отдельный рассказ в своих очерках.

Затем Елисеев встретился со своим товарищем, и они вместе отправились в портовый город Куопио: побродить по стране тавастов, сравнивая их образ жизни с карелами. По мнению исследователей, таваст не похож на карела во всех отношениях. Он угрюм, серьезен и молчалив. Он редко поет и поэтому не стоит удивляться, что собиратель Калевалы не из тавастов, который любит молчать. Его фигура неладно скроенная, да плотно сшитая, гармонирует с его настроением. Глаза его выразительные смотрят вглубь себя. Он не боится физического труда. С посторонними неласков, даже груб, но всегда гостеприимен. Таваст словно отражает в себе самом свою родину – суровую, но полную прелести и дикого величия Суоми.

Финляндия издревле слыла волшебной и таинственной страной. Когда друзья набрели на одинокую избушку бедного финна, их проводник сказал,

Обложка книги

что здесь живет колдун. Однако в избушке ничего не нашлось причастного к оккультным явлениям. Лишь песни и рапсоды предложил своим гостям старец-хозяин. Он был знахарь и знал различные могучие слова. Древние финские колдуны, никогда не прибегавшие к разным ухищрениям, всю силу тайного знания считали в могуществе человеческого слова.

От Хейнолы путь на юго-запад Финляндии продолжался на поезде. В этом поезде путешественники встретили знаменитого Элиаса Леннрота, собирателя и составителя карело-финского эпоса, опубликованного им в 1835 г. под названием «Калевала, или старые руны Карелии о древних временах финского народа». Леннрот очень приветливо отнесся к молодым людям, поблагодарил их за то внимание, которое они уделили

его родине. Старый ученый был удивлен, узнав, что они обошли Карелию, так же, как он сам в свое время: пешком и с котомкой за плечами.

Знакомясь с настоящим бытом карелов и сравнивая его с тем, который рисуется в Калевале, исследователей была возможность изучать не только настоящее, но и прошлое финского народа (часто они это делали под руководством пасторов).

Много добрых слов было сказано Елисеевым о финском гостеприимстве, которое заслуживало всякой похвалы и обеспечивало путешествие по самым глухим уголкам страны. Можно было зайти в любую избу и расположиться на ночлег. Кроме слов приветствия, иногда с хозяевами не обменивались ни словом. Тем не менее на столе появлялось все, что было в избе из съестного: камнепо-

добная лепешка, хорошая простокваша, соленая и сушеная рыба, картофель и масло. Щедро угощали кофе даже в избе самого бедного финна. Пол избушки застилали свежим ельником, а чистые тюфяки набивали душистым сеном и покрывали белыми грубыми простынями. Подушки вместо пуха набивались различными мягкими травами, а иногда и пуховками от одуванчиков и других болотных растений. Все это обеспечивало чистоту и отсутствие паразитов.

Пройдя красивейшие пороги Нокиа, путешественники продвинулись в глубь Нюланда (Уусимаа), где заметно увеличилась численность населения. «Эта Финляндия украшена многочисленными мызами и дачами, архитектура и расположение которых делает честь эстетическому вкусу населения». Не раз Елисеев останавливался от восхищения перед развалинами старого замка или готической кирхи, стоящих на берегу озера, между живописными скалами,

среди нагорного леса на юго-западе Финляндии. Еще романтичнее смотрелись старые дома богатых шведов. Архитектура затейлива и оригинальна, а окружающая природа удачно гармонирует с постройками.

После окончания в 1882 г. Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии и получения диплома врача, Елисеев совершил еще одно путешествие, о котором давно мечтал, он побывал на Скандинавском полуострове и в Лапландии.

В 1893 г. издательством П. П. Сойкина в качестве приложения к журналу «Природа и люди» было напечатано «Путешествие доктора Елисеева». Спустя год редакция журнала предложила напечатать труды, тогда уже известного врача и путешественника, отдельным изданием. Так появились очерки «По Белу-Свету. Путешествия Доктора Елисеева по трем частям Старою Света» – четырехтомное издание,

Иллюстрации
из книги:

Заглавная
буква в тексте.
Рисунок в
тексте на стр.
35.
Рисунок в
тексте.

оформленное по последнему слову печатной продукции того времени. Страницы украшены большим количеством рисунков известного художника-баталиста Н. С. Самокиша, который в конце XIX – начале XX в. был больше известен как книжный иллюстратор и график. Созданные мастером графические работы для оформления многих печатных изданий, в том числе альбомов, отражающих государственные события и научные достижения в России, а также рисунки к литературным произведениям русской классики, принесли ему славу книжного иллюстратора. Художник выполнил множество архитектурных и пейзажных зарисовок; рисунков анималистического и ботанического характера. Оригинальное расположение иллюстраций на странице и умелое сочетание их с текстом, говорит о его тонком художественном вкусе. Интерес представляют выполненные Самокишем заглавные буквы. Каждый инициал, начи-

нающий новый раздел, вынесен за объем текста и имеет сравнительно большой размер по отношению к другим буквам. Это позволяло разместить рисунок в самой букве или использовать ее контур как часть рисунка.

В работе над изданием принимала участие его жена – замечательная акварелистка и книжный иллюстратор – Е. П. Самокиш-Судковская, а также В. Г. Казанцев, Н. Н. Каразин, А. Д. Кившенко.

Некоторые иллюстрации выполнялись по зарисовкам путешественника: он был неплохим рисовальщиком и предоставил художникам свои наброски, выполненные во время путешествий и экспедиций, целью которых было посещение разных стран для изучения их в антропологическом, этнографическом и медицинском аспектах. Сам Елисеев об издании писал следующее: «... без помощи многочисленных иллюстраций проиграло бы само описание народов и стран, о которых говорится в тексте, и

потому я первый приношу благодарность издателю, не остановившемуся перед громадными затратами...».

Каждый том сопровождался аннотацией редакции, в которой сообщалось, что «во всех книжных магазинах продается новое издание П. П. Сойкина – Собрание сочинений А. В. Елисеева «По Белу-Свету». Роскошное издание, каждый том содержит... до 400 оригинальных рисунков художников». Также было сказано, что «I и II том были одобрены Ученым Комитетом Министерства Народного просвещения для ученических ... библиотек мужских средних учебных заведений и для раздачи воспитанникам старших классов ... в виду награды ... и рекомендованы Главным Штабом военного ведомства для приобретения во офицерские библиотеки».

Богатый материал, собранный ученым, предполагал появление следующих томов. Но ему было не суждено увидеть их. Во время путешествий он оказывал безвозмездную медицинскую помощь местному населению посещаемых им стран. Слава о нем быстро распространилась, его знали и ждали в разных уголках земли. В 1895 г. в возрасте 37 лет Александр Васильевич умер от заражения крупом, оказывая медицинскую помощь больному ребенку. За несколько дней до кончины он выступал в Географическом обществе с докладом о своей последней поездке в Судан и Абиссинию (Эфиопию).

III и IV тома «По Белу-Свету» были опубликованы уже после смерти путешественника. Его современник и близкий знакомый – Федор Груздев, автор биографического очерка к изданию IV тома, сообщал, что «для своих многочисленных читателей он был любимым автором, которым увлекались все от мала до велика. Со временники с большой симпатией относились ... к ис-

следователю. Простой, отзывчивый на нужды ближнего... остроумный и веселый собеседник, он был душой всякого общества ...».

Незадолго до смерти Елисеев написал автобиографию, которая перешла в собственность редакции издательства П. П. Сойкина и была напечатана в журнале «Природа и люди» в 1897 г. под названием «Записки лесного бродяги».

Александр Васильевич оставил потомкам мудрое философское напутствие: «... Если бы вы присмотрелись к природе, сжились бы с ее жизнью, заглянули бы... в лес, а еще лучше по странствовали бы по чужим краям, то право, все людские отношения показались бы вам такими жалкими, мизерными относительно всей природы, что не стоило бы и разговаривать о них ... Поучитесь у природы, она не научит вас дурному».

Более ста лет «По Белу-Свету» вызывает интерес у читателей, и не одно поколение путешествует с доктором Елисеевым и иллюстраторами его произведений по описанным им странам, в том числе и по Финляндии – родине русского врача и путешественника.

Литература

1. Елисеев А. В. По Белу-Свету Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. Т. 1-4. Издательство П. П. Сойкина. СПб., 1894-1898.
2. Моцанская В. Н. Путешествия А. В. Елисеева по Белу-Свету. М., 1956.
3. Лукницкая В. К. Пусть будет земля (повесть о путешественнике). М., 1985.
4. Наumenko В. Г. «Здесь на конце России исполинской ...». Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII–начала XX века. Ярославль, 2010.

В марте 2015 года

состоится

ежегодный
научно-практический семинар
журнала Literarus.
В этот раз он будет посвящен
фольклору.

Следите за объявлениями
на нашем сайте:

www.literarus.org

Ася Умарова

Ася Умарова родилась в городе Городовиковске (Калмыцкой АССР). В настоящее время проживает в селе Пролетарское, Чеченской республики (Россия). Окончила Чеченский Государственный Университет и Кавказский Институт СМИ в Ереване. Публиковалась в журналах «Звезда», «Дружба народов», «Юность», «Апра» (Тбилиси), «Процесс» (Прага), «Флорида» (США), «Дарьял» (Владикавказ), «Нана» (Грозный), «Вайнах» (Грозный) и др. Стипендиат Министерства Культуры РФ (2012). Прошла по конкурсу и приняла участие в Форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Москве и в Советствии молодых писателей Северного Кавказа в Назрани, которые состоялись в конце октября.

Тире

Рассказ

Эмин и Эмина вечно парили в облаках. Так говорила их торопливая мама, вдова Малхазни, инженер-архитектор по профессии. В прошлом – преданная комсомолу, в настоящем – работодателю. Иногда она подрабатывала рисованием школьных стенгазет, поскольку художник-оформитель неожиданно решила как можно скорее родить близняшек. Она устраивала свое счастье, и ей было не до других детей. Малхазни писала рефераты и курсовые для студентов, которым было лень засиживаться в безлюдной библиотеке, читать... а может и вообще, учиться. Студенты искали заветную любовь или кое-что еще вдоль многолюдных кафешек и парков. Гораздо проще заплатить маме Эмина и Эмины и не переживать, а

ценить каждое мгновение жизни. Иногда Малхазни в полночь с силой скидывала содержимое со стола и громко кричала: «Надоело! Хватит!» Перед тем, как выключить настольную лампу и спрятаться под одеялом от насущных проблем, она пила валерьянку.

Муж поразил ее когда-то вольнодумием, и это определило ее выбор. Микаил был поэтом литературного кружка «Пхьармат» («Прометей») и когда декламировал стихотворения, то неистово тряс головой. Члены «Пхьармат» творили исключительно на родном языке. Не знающему чеченского точно бы показалось, что Микаил читал протестные стихи, промил систему и призывал к революции. Но на самом деле он так эмоционально выражал любовь к горному цветку эдельвейсу. Подобные стихотворения не позволяли и не давали возможности семейной паре пойти на очередной сеанс индийского фильма в кинотеатр «Юность». Не говоря уже о походе Малхазни в салон красоты для сотворения заветных локонов в припомощии.

Вместо громоздких ворот, предмета гордости чеченских семей, у них был перекошенный деревянный заборчик. Ни автомобиля, ни золота, ни ковров на стенах. Даже столового сервиза «Мадонна» не было. Дети у них тоже долго не рождались. Микаил даже в сердцах бросил жене:

– Знаешь, я бы не хотел, чтобы мои дети появились на свет в этом ужасном несправедливом мире... Малхазни, это же преступление перед ними!

Микаил спал до десяти утра – работы у него все равно не было. Он хотел работать поэтом – не редактором, не корректором, не секретарем, не учредителем, не руководителем поэтического кружка в республиканской библиотеке, а именно – поэтом.

– Это мой осознанный путь! И я готов

идти до конца! – шагал он к забору, прижав к сердцу кожаную папку с бумажными листками – плодами бессонных ночей.

Его не брали в Союз писателей из-за беспорядочности и неумения дружить с кем надо. Микаил утверждал, что он приверженец много вековых адатов, и ни одна политическая партия не могла привлечь его внимание.

– Шас... выйдет сборник, и все изменится, – твердил он многие годы.

Микаил упорно продолжал быть поэтом. Но за такую работу никто не платил зарплату. Еще долго он боролся за мечту, перебивался на гонорарах, но после тридцати лет и рождения близнецов Эмина и Эмины решил перемениться и стать настоящим папой. Он открыл бизнес по продаже кур. Теперь вместе с Малхазни вместо ежедневных неспешных прогулок по ночному Грозному, обещанных до свадьбы, они частенько гостили в курятнике. За версту от них веяло не романтикой, как когда-то они мечтали, а горьким запахом птичьего корма и перьев. Эмин и Эмина, насмотревшись на родителей, каждое утро кормили голубей у заброшенного дома, но им совершенно почему-то никто не собирался за это платить.

Микаил часто брал у соседей видеокамеру и снимал цветы, небо, деревья и крыши. Жена и Эмин с Эминой напрасно ждали, что когда-нибудь он обратит внимание на них. Наконец, дети не выдержали и прокричали:

– Людей снимай, папа, людей!!

Эмин и Эмина почему-то решили, что папе дают деньги исключительно за ежедневные постукивания на пишущей машинке. Потом он передает бумаги в скучный и сероватый офис, где в конце каждого месяца дяденьки с обвисшими животами и щеками выдают взамен стопку денежных купюр. Они не могли понять, почему мама не займется тем же.

Так бы они заработали гору денег. Дети в отсутствие родителей собрали всю бумагу Микаила и заполнили на пишущей машинке каждый листок тысячами букв, которых им еще только предстояло выучить в школе. Пока папа приходил в себя от такого подарка, маме они посоветовали больше брать сдачи в магазинах. Ведь когда дети просили купить сладостей, та заявляла, аккуратно подводя черные стрелки поверх век:

– У меня осталась только сдача, которую дали в магазине.

Микаил дружил с Исой, писателем, автором единственного романа «Шумерское танго», который еще не был издан. Часть произведения была написана, а другая со всеми задумками и эскизами, по его словам, находилась в голове. Но это ему ничуть не мешало, представляться как автор романа «Шумерское танго». Он вел жаркие диспуты с другом на балконе, о том были ли заказными произведения советских писателей. Иса не разделял любовь друга к вайнахским боевым башням, все древние сооружения вызывали у него только хандру. Он являлся сторонником только нового.

Малхазни однажды попыталась их утихомирить и рассказала, как побывала однажды на персональной выставке одной восьмидесятилетней художницы. Бабушку с одной стороны поддерживал внук, с другой – кривоватая трость. Она хрипло сказала: «Все мои картины оказались пророческими... В тридцать лет я нарисовала автопортрет с седыми волосами. И что вы думаете? С годами действительно поседела!» Как будто иначе она бы осталась молодой. Но Микаила и Ису невозможно было сдерживать. Они не заметили, как Эмин и Эмина настолько сильно раскачались на качелях под ореховым деревом, что полетели... правда, не в небо, а к каргофельным грядкам.

На одной улице с ними жила женщи-

на, по имени Мартагаз (только буква «г» произносится, как французское «р»), которая часто проезжала мимо их дома на белой «Оке» – подарке государства ее отцу, ветерану Великой Отечественной Войны. Мартагаз так изящно крутила баранку руками в черных перчатках, что казалось – она мчится в Кадиллаке под песню «Moon river» из фильма «Завтрак с Тиффани». Жемчужное ожерелье приглушенно блестело. Эмину и Эмине так и хотелось снять с себя воображаемые шляпки, выпрямиться и протянуть: «Дооброе уутро, Миисис Маарпл!»

Однажды Малхазни впервые зашла к Мартагаз домой, чтобы передать письма. Ей казалось, что там будет царить покой и стерильный порядок. Пока они говорили на кухне, ее дети построили вдоль стен по баррикаде, надели на головы кастрюли и принялись палить друг в друга морковками и картошками. Бойцов разделял только стол, где абсолютно спокойная Мартагаз общалась с Малхазни, еле успевающей уворачиваться от ударов.

– С тобой все в порядке? Ты какая-то дерганная и нервная. Проблемы? – спокойно интересовалась Мартагаз, попивая чай с мятой.

В октябре 1994 года Микаил и Малхазни привезли новых цыплят, но заработать на них им было не дано. В конце ноября началась война, и кур постигла иная судьба. Малхазни даже законсервировала в литровых баночках пару дюжин на черный день. Ей казалось, что наступят дни еще ужаснее, чем война.

Микаил вдруг стал снайпером. Все мужчины с его улицы ушли воевать, и он не мог не пойти. На последние деньги он выкупил винтовку и то разбирал, то собирал оружие под виноградным навесом, будто разгадывал сложный ребус.

– Ты... ты оставляешь нас? – прошептала Малхазни.

– Не совсем. Я остаюсь с вами... но...

просто... решил стать независимым и свободным снайпером.

Малхазни более всего раздражали спокойствие и умиротворенность мужа. А ведь именно сейчас казалось бы, ему следовало вести себя, как при чтении стихов про эдельвейс.

– Это как?

– Я не буду подчиняться ни одному батальону или команде бойцов. Утром буду уходить, а в обед возвращаться. Никто не будет руководить мной. Все остается, как раньше.

– Ты будешь убивать людей, – в слезах выбежала Малхазни.

Больше всего на свете перед замужеством она боялась, что муж начнет изменять с другими девушками, так как все творческие люди, непостоянны, но оказалось, что в жизни бывают моменты гораздо тяжелее. Не успевала она обдумать одну страшную мысль, другая принималась обглаживать ее изнутри. Эмин вслед за отцом тоже может стать военным. А она ненавидела и оружие, и саму жизнь военных, ведь кроме людей они калечат еще издания. Те самые, над которыми они трудились в архитектурной конторе. Получается, что и она окажется причастной к войне. Ведь она породила на свет будущего военного... Больше всего на свете ее муж перед свадьбой боялся, что Малхазни перестанет соглашаться с ними поддерживать его... и это безумие обернулось реальностью.

Микаил стал таким тихим, задумчивым и забывчивым. Он уходил убивать, а возвращался убитым. Эмин и Эмина не могли понять всего, расклеивая на окнах полоски в виде буквы «Х» – родители объясняли, что они спасают стекла от взрывной волны. Дети вопрошали, почему нельзя клеить полоски в виде буквы «Б» или «Ъ», кружков, квадратов или треугольников. Им казалось, что папа ходит такой грустный оттого, что

не хватает оружия. Поэтому они из дерева сделали два автомата, но те объявили забастовку и отказывались стрелять.

Мартагаз в первую войну сняла с потолка огромную фамильную люстру, укрепила на крыше «Оки» и, усадив на заднем сиденье детей, тронулась в путь. Но почему-то остановилась у аллеи тополей и решила на прощание пофилософствовать:

– Вот в советское время сажали тополя... собирались в пионерских лагерях... А сейчас состарятся... попадают все тополи... и все, – сказала она и гордо засунула руки в глубокие карманы бордового клетчатого пальто. А тополи, видимо, рассердились сильнее закачались в разные стороны.

Однажды и Микаил не вернулся.

Прошли годы, но повзрослевшие дети продолжали парить в небе, взмахивая воображаемыми крыльями. На глаза они плотно приклеили розовые очки. Эмин и Эмина весело пролетали над океанами, лесами, озерами, горами... Пролетали Детство, Юность, Молодость, Зрелость, а потом обратно и все сначала. Старались избегать остановки под названием Старость. Брат и сестра не могли признать, что боятся Старости. Нет, они деликатничали, утверждая, что еще не нагулялись на других остановках. Например, в Юности обещали отведать эскимо, а в Детстве действовали весенние скидки на пару вещичек для их кукол. Пролетали президентов, партии, эпохи, бунты, манифесты. А один из протестующих даже попытался сбить их, замахнувшись бутылкой зажигательной смеси. Но у него ничего не получилось, так как даже если бы крылья вспыхнули ярким пламенем, то сквозь розовые очки они бы этого и не заметили.

Война закончилась. Мартагаз вернулась с люстрой и детьми на своей белой

«Оке». Она нисколько не изменилась, только появилась тяжесть в ногах и чуть приподнялись плечи, а на руках набухли вены. Возраст уже не позволял быть на любимой работе, но ей посчастливилось устроиться в каком-то совхозе бухгалтером. Однажды городское начальство попросило ее приносить отчеты не на бумаге, а на флешке. Она долго стояла в кабинете, не понимая, о чем идет речь, а потом вдруг выпалила:

– Извините, я не понимаю, о каких фишках и фляшках идет речь. Мы в конторе до сих пор на счетах сидим!

Малхазни этот мир казался прекрасным лишь когда она летала – не в мечтах, а в командировки. После паспортного контроля все вокруг представало таким милым – люди, чемоданы, плач детей, даже ее собственная жизнь. Раньше она ворчала, что самолеты ухудшают экологию, отравляя воздух.

А Эмин с Эминой продолжали летать. Малхазни в дождливую погоду вычищала сырой и темный гараж, в котором так и не появился автомобиль.

– Мама... Тамаре, жених 101 розу подарил и корзинку большую с «Киндерами». А мне нет, потому что я кто? Лохняя, – чавкала Эмина, надувая шарики жевательной резинкой с арбузным вкусом.

Ей скоро предстояли экзамены, надо было выбрать профессию, которая бы давала в будущем кусок хлеба до тех пор, пока она не состарится и не начнет получать пенсию в многочасовой очереди, где почтальонша вместо семидесяти или сорока рублей будет совать всем районные газеты или «777» с «Зягьком». Но сначала – пять лет учебы. Правда, если будущий муж Эмины будет против работы, она останется сидеть дома. Помимо профессии и мужа, ей предстояло определиться еще и с политическими взглядами. Во время президентских выборов России, она перечеркнула

всех кандидатов и поверх листка аккуратным подчерком написала: «Эштон Катчер». Родственники видят в ней стоматолога, но она мечтает лечить котят, потому что это так «мимишно» и «няшно».

После рассказа дочери о розах и киндерах, Малхазни стояла в оранжевых резиновых перчатках, придерживая щетку для побелки. Она была озадачена и не знала, на какую полку воспоминаний стоит отложить эту информацию, чтобы в случае необходимости доставать и время от времени перечитывать.

Когда Малхазни развешивала на веревке постельное белье, а закрепляя его пластмассовыми прищепками на случай урагана, к ней постучалась интересная идея. Малхазни решительно настроилась завести дневник, чтобы запечатлевать чудесные моменты прошедшего дня, но в последнее время дневник походил на книгу жалоб. Потом ей показалось, что было бы неплохо завести еще и ежедневник для планирования дел. Дальше был создан блокнот о ее страхах, которые предстоит перебороть, тетрадь доходов и расходов... Она не заметила, как образовалось 13 блокнотов. Малхазни вымоталась, заполняя их, в перерывах между чертежами. И как-то, выходя из архитектурного офиса, где они должны были надевать длинные вещи, покрывающие ноги, руки и голову, она не заметила, как запуталась в длинной материи, покружилась вокруг себя, но не взлетела, а упала на пол. По асфальту разлетелись блокноты и рефераты, покатались ватманы с тубусом. В тот момент она ясно поняла, что те люди, которые много работают, мало зарабатывают денег. Ей стало вдруг так больно, от осознания того, что дети не понимают еще жизни где-то постоянно летают.

Малхазни как-то повстречала автора «Шумерского танго». Он сообщил, что пять лет назад на писал новый роман

«Постичкериский вальс», но нечаянно стер файл с произведением. Разочаровавшись, он не смог после этого написать ни строчки. Зато теперь он подписывал критические письма в правительство, как Иса Ю., автор романов «Шумерское танго» и «Постичкериский вальс».

Говорят, что дети – искренние и добрые существа. Но Эмин настолько бывал увлечен полетом, что не замечал, как окружающие его использовали. Особенно один мальчик, который постоянно обманывал его, сначала с наклейками, а с приходом взросления – деньгами. Желтоватый оттенок кожи, прямые светлые волосы, два торчащих передних длинных зуба, азиатский вырез глаз и постоянная улыбка. Он мог спихнуть Эмину, что угодно за большие деньги, начиная от использованной бутылки и заканчивая мотком алюминия или меди. Еще ребенком он фотографировал детей на отдыхе в летнем лагере и тайно

продавал их родителям фотографии. Малхазни, вместо того, чтобы осуждать сына, ненавидела этого мальчика до тех пор, пока не увидела, как отец его избивал ремнем. Тогда она поняла, почему люди становятся такими.

В тринадцатом блокноте Малхазни всего одна запись – дата ее рождения и одинокое тире, словно кто-то здесь должен был поставить дату ее смерти. Но на самом деле ее осенило, что вся жизнь человека заключается в этой маленькой черточке, а для нее уже не важно – витал ли он до старости в облаках или сизмальства крепко держался на Земле.

АУ

Студия

Города Балтии: Таня Варонен. Хельсинки

Марианн Жюкелье-Веригин**Отец – далеко и так близко**

*Посвящается моим детям
Алекси, Беатрис и Фредерику*

Я родилась 12-го июля 1940 года в Хельсинки, в Финляндии. Но кажется, будто это было 21-го апреля 1945 года. В три часа ночи к нам домой пришли четверо мужчин. Отцу велели быстро одеться, а мужчины – двое русских и двое финнов – начали в квартире что-то искать. Перевернули всю мебель, выпотрошили маленький секретер (он сейчас стоит в моей комнате в Париже). Помню разбросанные по полу фотографии и мамины тюбики губной помады. Я лежала в детской кроватке с высокими бортами, а финский полицейский рылся под моим матрацем. Бедолага не заметил, что тычет в меня стволом винтовки, и все повгрял: «Nuku, nuku» – спи, спи.

Потом отца увели. Под утро я захотела в туалет. Мама пошла со мной, чтобы я не испугалась человека, стоявшего у двери нашей спальни – одного из тех четверых. Позже я узнала, что кто-то стоял и у входной двери.

Это событие перевернуло мою жизнь.

На следующее утро мама пошла искать отца. Выяснилось, что забрали и мужа сестры отца, Федора Пира. Другие женщины тоже искали мужей – в ту ночь было задержано 20 человек. Из них десять человек были гражданами Финляндии, у девяти были нансеновские паспорта, один был гражданином СССР. С 1944 года в Финляндии действовала Союзная контрольная комиссия во главе с генерал-полковником Андреем Ждановым. 20 апреля 1945 года министру внутренних дел Финляндии коммунисту Юрье Лейно Контрольной комиссией было передано письмо с требованием о задержании и передаче СССР 22 человек, «виновных в совершении военных преступлений, проводивших по заданию немецкой шпионской и террористической деятельности против Советского Союза».

Помню, как мы с мамой ходили в советское посольство, чтобы хоть что-то узнать об отце. Все жены думали, что их мужья находятся в тюрьме в Финляндии, и лишь позже узнали, что всех задержанных сразу вывезли в хельсинкский аэропорт Малми и оттуда на самолете – в Москву, на Лубянку. Примерно спустя год жены арестованных получили от мужей письма, в которых те сообщали, что они как политические преступники приговорены к тюремному заключению сроком от 5 до 25 лет. Мужья писали, что не хотят, чтобы их жены находились так долго в неведении, поэтому готовы дать развод. Моя мать вскоре развелась, она непременно хотела уехать из Финляндии.

После ареста отца я осталась с

матерью одна. В Хельсинки жили родители отца и семья маминой сестры, моей крестной. Ни разу никто не говорил со мной об отце. Родные меня берегли. Это я понимаю сейчас, но тогда я и сама ни о чем не спрашивала. Часто бывала у бабушки с дедушкой, они тоже никогда ни слова не говорили об отце, зато с готовностью исполняли все мои капризы. Мне разрешалось, например, съесть три яйца подряд. Как-то раз, гуляя с дедушкой, я захотела мороженого и съела целых четырнадцать штук. После этого я, конечно, заболела, и тангин, сестра отца, поставила мне клизму, а бабушка очень бранила дедушку.

Дочка моей крестной, маминой сестры, Лариса, на десять месяцев младше меня. Мы были очень близки – скорее сестры, чем кузины. Я была счастлива – чувствовала, что меня любят. Правда, в тесной квартирке, где я жила с мамой, я чувствовала себя не очень уютно. Мама была молодая, ей было всего 30 лет. Днем она работала, по вечерам часто уходила, играла в театре. У мамы была собака породы *Loulou de Romégnie*, звали ее Топси. Собака была у нее еще до моего рождения, и мама с ней вечно нянчилась, часто брала на руки. Мне всегда казалось, что собаку она любит больше, чем меня, и я очень ревновала. Пес явно имел актерский талант. Когда мать приходила домой, ей было достаточно лишь взглянуть на собаку, чтобы все понять: «Ты обижала Топси», – говорила она мне. Да, я дергала ее за хвост, я терпеть не могла этого пса. Дело кончалось поркой.

Я придумала себе брата Поля и каждый день с ним разговаривала. Он, естественно, был высокий, старше меня. Лишь позже с восторгом, рыдая, я прочла роман Бернарда де Сен-Пьера «Поль и Виргиния». Еще я часто разговаривала с моим ангелом-хранителем – я и тогда, и сейчас уверена, что он всегда рядом со мной. Но самое главное – я разговари-

вала с Иисусом, маленько и иконой, висевшей над моей кроватью.

Однажды летом 1948 года мама сказала, что у меня будет новый папа и что мы уедем из Финляндии в страну, которая называется Франция. Я ходила во французскую школу, знала французский язык, выучила «Марсельезу». Наша учительница была чистая француженка. К маминым словам я тогда отнеслась с безразличием. Мне нравилась моя жизнь, у меня были друзья, я любила финскую природу: зимой снег, летом ягоды и грибы, купание, вечера у бабушки с дедушкой. Когда дедушка заканчивал занятия со студентами, мы по вечерам пили чай с вареньем. С кузиной мы жили душа в душу, придумывали разные шалости. Даже связали кровати вместе, чтобы нас никогда никто не смог разлучить. Скорее всего, я тогда просто не поверила матери.

Иногда мама говорила: «Как же ты будешь называть своего нового папу?» Но меня это не волновало, все это было далеко от реальности. Как-то раз, когда мне эти вопросы надоели, я раздраженно сказала: «Как буду называть? Ну пускай будет beau-rara». Мне часто говорили о beau-rara, но я его так и не видела. О нем рассказывала мне крестная – он русский, но живет во Франции. Мы будем жить с ним, я пойду во Франции в школу, у меня появятся французские подруги. Об отце по-прежнему никто не говорил, своего будущего beau-rara я не знала – и все это меня не касалось.

Май 1949. Большой день! Помню, что на пароход нас провожало много народу. Одна девочка даже представляла наш школьный класс. Мы должны были доплыть до Швеции и оттуда ехать на поезде в Париж. Мама получила много цветов. Парижский поезд мне показался очень шикарным. У нас с мамой было отдельное купе, со стенами, обитыми красивыми деревянными панелями. За

дверью, в отдельном маленьком помещении, находился умывальники прочие удобства, т.е. ночной горшок. Утром персонал поезда превращал нашу комнату в маленький салон, и мы с мамой любовались проносящимся мимо пейзажем. Ели мы в ресторане. Белые скатерти, маленькие светильники на столиках и официантов... Мама была в приподнятом настроении, и мне было весело – я будто попала в сказку. Не помню, как мы приехали в Париж; наверное, beau-рара нас встречал. В это время на станциях были носильщики, они взяли наш багаж. Помню только мамину круглую шляпную картонку: большую, черного цвета, окаймленную белой кожей. Картонка эта еще долго хранилась на чердаке нашего дома в Руане, где мы жили с 1955 года. Потом пропала.

Также не помню, как мы приехали в Отье, маленькую деревню в двенадцати километрах от Руана. У beau-рара не было машины; я думаю, мы ехали из Парижа в Руан на поезде, а оттуда на такси. Возможно, ночевали в Париже.

Позже, когда beau-рара ездил по делам в Париж, он всегда останавливался в отеле недалеко от Елисейских полей. У него были свои привычки, например, в ресторане Doucet он сидел всегда за одним и тем же столиком. В этом ресторане впервые попробовала изумительное блюдо – ветчину с зеленым горошком. Мелкие сладкие горошинки в перемешку с маленькими луковичками. Но вернемся к нашему приезду в Отье. Beau-рара жил в Chateau de la Marniere – большом доме на шесть квартир. В нем жили инженеры химической фирмы Francolor, находившейся в Уасель. Beau-рара был доктором химических наук, специалистом по краскам.

Меня привели в мою комнату, она была уже обставлена: кровать, бюро, этажерка, маленький столик, на котором стояла

фотография моего отца в красивой большой серебряной рамке, табуретка. Вся мебель – светлого финского дерева, с фирменной надписью Artek. Гостиная и спальня матери с beau-рара тоже были обставлены. К нашему приезду все было готово. Я уверена – для того, чтобы меня не травмировать, как принято теперь говорить. Мама сказала, что мы будем жить вгрозем, и я буду ходить в деревне в школу. В школу я пошла сразу – мы приехали до окончания учебного года. Обычно, когда заканчивался учебный год, у монумента погибшим проводилась церемония, нам давали награды за хорошую учебу, обычно книжи.

Мы говорили дома по-русски, на языке, на котором я в Финляндии говорила с бабушкой, дедушкой, крестной и кузиной. Это продлило мне детство. Позже мама подсказала мне другое имя вместо слишком сложного beau-рара: «Может быть, папа Вася?» Пускай папа Вася, мне было безразлично.

В том же 1949 году мама и папа Вася решили официально оформить свои отношения, зарегистрировали брак в мэрии Уасель. На церемонии меня с собой не взяли, наверное, чтобы «оградить» от переживаний, и я осталась дома одна. После мэрии они обедали с русскими друзьями, те были свидетелями у них на свадьбе. А я сидела дома одна с собакой Топси – она все еще была с нами. Одна с книгами Comtesse de Segur – папа Вася отдал мне всю свою серию книг «Розовой библиотеки» – и с папиной фотографией. Но не помню, чтобы я страдала. Если мама сказала, что так надо, значит, так и должно быть.

Я жила в своем мире, открывала для себя незнакомую природу – район Марни был настоящей деревней. Деревья, в основном буки, казались мне огромными, я таких раньше никогда не видела. У них были маленькие, приятные на ощупь, немного овальные листья. Они

были мягкие, покрытые шелковистым пушком. Раньше я никогда не видела, чтобы у листьев были такие толстые прожилки. Деревенские дети научили меня «раздевать» листья, т.е. оставлять только жилки. Бедные листики становились похожими на скелеты. Осенью на деревьях появлялись маленькие буковые орешки, – трехгранные, в толстых коробочках. В колючей кожуре овальной формы было по три орешка. Еще в деревне росли каштаны и другие деревья, которые напоминали мне финские ели. Но больше всего меня поразила плющ! До сих пор плющ – одно из моих самых любимых растений. Возможно потому, что плющ – символ мудрости. Не знаю почему, но на меня произвело сильное впечатление ощущение листьев, когда я их трогала. Я люблю трогать листья плюща – они и твердые, и мягкие одновременно, плотные, массивные и в то же время на ощупь нежные. После дождя от плюща идет удивительный, почвенный запах, и этот магический аромат доставлял мне огромное, почти физическое наслаждение. Густой, немного сладковатый и терпкий – волшебное сочетание запаха сырой почвы, плюща и прелых листьев. Иногда я и сейчас мысленно ощущаю этот гармоничный аромат, он остался во мне на всю жизнь. А плющ-барвинка весной, когда на нем появляются первые синие цветы с прямоугольными лепестками! Я никогда такого не видела и считала, что лепестки всегда круглые. Удивительно, что природа создает такие геометрические формы. А осенью – цветы дикого цикламена, розовые и белые. Я подолгу изучала эти маленькие, такие невзрачные цветки, у них был удивительный аромат, а их бутоны раскрывались долго, до тех пор, пока лепестки, наконец-то, не отклонялись совсем назад, чтобы пестик смог свободно пропитаться всеми окружающими ароматами. Я с огромной радо-

стью открывала для себя все это богатство природы – раньше я и не представляла себе, что на свете есть такое чудо. Еще в Финляндии я часто разговаривала с цветами и «лесными духами» – тогда то и расцветало мое воображение. В деревне я много гуляла по полям. Крестьяне – кругом были только фермы – говорили, что в июне появятся *rosé des prés*. Что это такое? Я думала, что они имели в виду розовые капли росы. Но почему они говорили о грибах? Грибы я хорошо знала – мы их часто собирали осенью в Финляндии – белые, красные, волнушки, лисички, но о *rosé des prés* никогда не слыхала. В июне я начала их искать и увидела маленькие беленькие клубни. Я взяла один, белая шляпка, а снизу нежные розовые перепонки. Вот что значит *rosé des prés*, это дикие шампиньоны! Хорошо помню сначала удивление, а потом радость, которую они мне доставляли. Перед тем как съесть такой гриб, я с ним разговаривала. Первый год во Франции я постоянно открывала для себя что-то новое.

На второй год учительница мадмуазель Лёле пришла к родителям, и сказала, чтобы мы дома больше не говорили по-русски, иначе я никогда не выучу французский. Я была поражена. Разве это возможно? Я хорошо говорила по-французски, по-русски, еще по-фински и по-шведски. И теперь меня отрывали от прошлого, от моих корней, от оставшихся в Финляндии родственников. Как я смогу разговаривать с бабушкой и дедушкой, если не буду говорить по-русски? И я, сидя одна в комнате, принялась переписывать тексты из русских книг, чтобы не забыть язык и буквы. Даже родители перешли между собой на французский. Матери это было нелегко, но она была довольна, что становится настоящей француженкой.

Моя жизнь так и текла – я, мама, папа Вася. Он был хорошо образован, благо-

даря ему я стала интересоваться литературой и живописью. Он ездил в Париж и после того, как мне исполнилось тринадцать лет, он часто брал меня с собой. Я получала огромное удовольствие от того, что была среди прохожих на Елисейских полях одна. Это и понятно. Я не говорю об опьянении свободой, меня просто охватывала радость от того, что я, Марианн, одна в большом Париже, на самой красивой улице города; могу делать, что хочу, не надо ни перед кем отчитываться. Помню завораживающее ощущение опасности, которое я испытывала всякий раз, переходя улицу. И всегда ноги сами вели меня в «Лувр». Здесь я сидела перед картиной Жерико «Плот Медузы». Меня потрясла эта трагедия, вид наполовину погруженных в воду людей. Папа Вася заходил за мной, не помню куда, и мы возвращались в Огье. Все эти годы я не думала об отце, совсем о нем забыла и, кажется, даже убрала со столика его фотографию. Когда мы бывали на каникулах в Финляндии, мои бабушка и дедушка никогда о нем не говорили, наверное, чтобы не мешать моей жизни во Франции.

В январе 1955 года мы с родителями переехали в Руан; они считали, что в городе больше возможностей – я там пошла в лицей. Для мамы это был трудный год. Я же все воспринимала с легкостью, для меня было главное, чтобы французы приняли меня в свой круг. У меня было другое воспитание, родителям некоторых моих друзей оно казалось слишком либеральным. Я вела себя иначе, чем одноклассники, и как-то раз одна девочка из нашего класса даже обрызгала меня чернилами со словами: убирайся отсюда, иностранка. Много лет спустя эта девочка стала яркой, идейной коммунисткой.

Я хотела, чтобы меня любили и понимали, и не замечала того, что происходило в нашей семье. В тот год мы узнали,

что отец жив. Его освободили на год раньше окончания срока, в 1954 году. Узнав, что жена и дочь уехали из Финляндии, и он решил не возвращаться. Известие о том, что он жив и на свободе, потрясло маму. Я помню, она некоторое время даже спала в другой комнате. Как, наверное, страдал папа Вася. А что я? Ничего! Я с удовольствием ездила в Финляндию, проводила там с двоюродными сестрами все лето, у них рано умерла мать, и они остались с отцом. Я обычно садилась на пароход в Антверпене, в Бельгии – совершенно одна. Какое наслаждение было чувствовать себя независимой, свободной! Правда, свобода распространялась не на всё. Я, например, страстно мечтала о черных шортах, но черный цвет мне был категорически запрещен – мама считала, что для молодой девушки он слишком мрачен, черное могут носить только взрослые, и то, если они в трауре. И вот наконец-то в Хельсинки моя кузина сделала мне на день рождения подарок: но это были желтые шорты!

Ни мои бабушка и дедушка, ни тетя, тантин, по-прежнему никогда не говорили об отце. Возможно, именно благодаря их молчанию, ранняя молодость моя была довольно беспечной.

Мама была после смерти сестры еще в глубоком трауре. Это было в 1955 году. Мама решила сшить мне красивое платье цвета светлой горчицы. Покрой был очень изысканный, и платье пришлось часто и подолгу мерять. Я даже один раз упала в обморок, так долго длилась примерка. Когда платье было готово, мама сказала: «Сейчас мы сделаем фотографию и пошлем ее отцу». Я позировала в красивом платье, но никаких вопросов не задавала. Я только помню, мама сказала, что он живет и работает в Сибири. Да, да. Мне тогда было куда важнее нравиться мальчишкам. Мама стала чаще мне говорить об отце;

как-то раз сказала, что он женился на советской женщине, у нее сын. Она это знала от бабушки и дедушки, которые переписывались с отцом.

Сейчас мне жаль мать: ей нужно было поделиться своими чувствами, своей болью с дочерью мужчины, которого она любила и который любил ее. Но я, беспечная, ее не слышала. В 1957 году мама нервно сказала: «Ты должна написать отцу. Он хочет усыновить сына жены, и тот получит его фамилию. Твою фамилию нельзя давать кому попало». Тогда я, видимо, что-то почувствовала, и под маминудиктовку написала отцу письмо. Помню, как было странно писать человеку, который меня зачал, но о котором так мало говоришь. Он был далек, я его не ощущала, у меня не было с ним никаких контактов, и он не искал общения со мной. Я видела, как несчастна мать, и сделала это, чтобы ей стало легче, осознавая, что вмешиваюсь в то, что меня не касается. Отец должен был устраивать свою жизнь, а мне вдруг пришлось вмешиваться в его дела. Правда, и меня обидело, что у него другая жена, я ревновала за мать. Да еще чужой сын, ребенок женщины, которая будет разделять с ним жизнь.

Скоро пришел ответ. Мне было трудно разобрать почерк отца, и письмо мне прочла мама. Я запомнила фразу: «Сейчас тебе этого не понять, но когда-нибудь ты поймешь». Слова эти меня обескуражили, я ко всему тому была совершенно не готова. Я вдруг оказалась между двумя людьми, когда-то состоявшими в браке. Они меня перекидывали, как мячик. Возможно, я ощущала отца, где-то глубоко в душе, но я только начала привыкать к другой стране, строила свою жизнь, мне нужна была надежная опора. И вдруг в шестнадцать лет я оказалась участницей спора двоих взрослых людей. Я почувствовала себя незащищенной, будто обнаженной. Постепенно

Mon père, absent et si présent.

Издательство Editions Amalthee, 2013

передо мною выростала массивная стена, она все росла, и преодолеть ее было невозможно. Отец писал мне письма, но на самом деле он через меня писал матери, мать была несчастна, папа Вася страдал, но он никогда об этом не говорил, много работал. А стена все росла, становилась все непреодолимее. И тогда я решила проглотить снотворное – в то время его можно было купить без рецепта. Я попросила у мамы денег на книгу, карманных денег мне не давали. Я даже помню аптеку, где я купила эти лекарства. Аптекарь дал мне их с легкостью, даже ничего не спросил. Мы вышли с мамой из дома, она пошла в магазин. Когда мы расстались на тротуаре, я долго смотрела ей вслед и нашла, что она очень красивая. Был ветреный день, и у нее на голове была косынка, это ей очень шло.

Я проглотила таблетки перед самым ужином. Это просто был крик о помощи. Я была уверена, что меня вовремя найдут. Но очнулась уже в больнице. Помню

доктора, он меня спросил, почему я это сделала, и я ответила – из-за бакалаврата. А он сказал, что благодаря бакалаврату стал врачом. Я не хотела ему рассказывать историю моего отца, о настоящей причине я сказала только родителям. С этого момента об отце никто больше не говорил. Я так никогда и не прочла письма, написанные мне отцом – мать их сожгла. Таки остался контекст неполным, без важной фразы.

В 1963 году я вышла замуж, и тогда впервые бабушка заговорила о папе, передала мне от него подарок. Значит, он хотел принять участие в моей свадьбе. Это меня очень тронуло. Я и сейчас пью кофе из подаренных им чашек. Но контактов с ним я не искала – для меня начиналась новая жизнь, я готовилась стать матерью. В 1968 году я узнала от моего второго мужа, Марка, о смерти моего отца. Мама предпочла сообщить мне это через зятя. Возможно, смерть отца вызвала в ней слишком много эмоций, а может, она считала, что такую важную новость должен сообщить мне муж. Не знаю. У меня был шок, но очень быстро жизнь взяла свое. Я ждала второго ребенка.

Стого самого времени и до 1985 года я об отце не думала. Мой третий ребенок родился в 1973 году. Дедушка умер в Финляндии в 1956 году. С 1966 года тангин и бабушка жили в СССР.

В 1984 году все переменялось. В июне умерла мама. Стыдно об этом говорить, но тогда я испытала чуть ли не облегчение. Я начала думать о моих родственниках со стороны отца. О тангин. Когда отца арестовали, она очень обо мне заботилась, возможно, в какое-то время даже оттеснила на второй план мать. Но я могу ошибаться. После смерти матери я решила найти тангин – важного для меня человека. Я знала, что она с мужем и дочерью живет в российской Карелии.

Бабушка к тому времени умерла.

Адрес тангин мне дали родственники ее мужа в Финляндии, и я стала планировать поездку в Карелию. Я заботилась о папе Васе, но мне хотелось больше узнать об отце. Когда я решила встретиться с родственниками отца, мне показалось, что начинается другая жизнь.

Лето 1985 года. Первая поездка к тангин в Петрозаводск. В то время такая поездка была связана со многими сложностями и формальностями. Наш телефон стали прослушивать. Но меня ничто не могло остановить. Муж Марк понимал, насколько важна для меня эта поездка, и сразу согласился на три недели взять на себя детей и дом.

Я поехала на поезде из Хельсинки в Ленинград, там меня встретила кузина Галя, потом мы целую ночь добирались на поезде до Петрозаводска. Галя купила в Ленинграде большой кусок мяса, в Петрозаводске это была небывалая редкость. В вагоне я спала на нижней полке, а подо мной, в рундуке, лежала драгоценная говядина – в самом надежном месте. В Ленинграде я сразу почувствовала себя как дома. Наверное, сказала русская кровь.

С тангин мы встретились будто в другом времени, в мире прошлого. Надо было вернуться на десятки лет назад, чтобы снова начать с того момента, когда жизнь нас разлучила. В день приезда я перед сном принимала ванну, и тангин непременно хотела мне вымыть спину, как делала в моем детстве. Это было очень сильное ощущение. Одного глубокого взгляда было достаточно – мы снова узнали друг друга, поняли, что у нас одинаковые понятия, те же чувства, одинаковая реакция, один язык. Мы вернулись на сорок лет назад. Все это произошло очень быстро, за несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы ощутить, что у нас та же кровь. Для этого достаточно взгляда, слова не нужны.

Моя первая поездка была полна нового, я узнала о жизни семьи тантин в Советском Союзе, и, конечно, тантин рассказывала мне об отце. Помню, мне было скорее любопытно узнать о нем, не могу сказать, чтобы я испытывала глубокие чувства. Я видела на фотографии его лицо, знала, что он жил в Магадане, услышала, что его вторая жена была несимпатичная. Надо сказать – это меня порадовало. Но главное – я познакомилась с Россией, в то время с Советским Союзом. Я ходила в магазин, смотрела на людей, в воскресенье посещала православную церковь. Мне хотелось видеть людей в их повседневной жизни, узнавать, видеть, как они общаются друг с другом, как реагируют на все. Это было нетрудно, я быстро поняла образ их мысли. Мне было интересно узнать о поразительной жизни моей тети в алтайском селе, куда семью поселили после Финляндии, чтобы ее члены стали «хорошими коммунистами».

После этого я ездила в Петрозаводск три или четыре раза и совершенно естественно участвовала в жизни родственников отца. Я все больше и больше узнавала об отце, все ближе с ним знакомилась, внимательно изучала его фотографии и поняла, что мы похожи. На одной фотографии он был в гробу. Такой красивый! Я постепенно начала понимать, кто я такая, ощущать свое происхождение. Мать хотела, чтобы я стала чистой француженкой, старалась стереть все, что во мне было русского, главное – язык. Дома по-русски мы больше не говорили. А я не только чувствовала себя русской, но во мне сохранился и русский язык, ждал, видимо, момента, чтобы проявиться. Теперь к словам, которые я знала с детства, прибавилось много новых.

Я привезла из России фотографию моего отца, фотографию Магадана, которую отец послал своей сестре. На туа-

летном столике в Париже у меня стоят фотографии счастливой пары – матери и папы Васи, и туда же я поставила фотографию отца в Магадане. Пустота, о существовании которой я даже не подозревала, начала заполняться. Папа Вася меня воспитал, научил любить искусство. А теперь начал выплывать мой родной отец, которого я не знала, но который был всегда во мне. Между была мать, которая по-своему меня любила.

В 1989 году моя тетька овдовела. В 1990 году она приезжала с дочерью и внучкой Марианн к нам во Францию, а в 1991 году семья решила вернуться в Финляндию. 16 лет, с 1990 до 2006 года, я жила в двух странах – во Франции, где была моя семья, и в Финляндии. Мой муж Марк очень любил Финляндию, мы купили в Хельсинки однокомнатную квартиру и все больше времени проводили в этой стране. Когда мы были в Финляндии, я каждый день ходила к тантин. Мы не всегда говорили об отце, но было так естественно быть вместе. Мы были очень близки. Отец был часто главной темой нашей беседы. Но даже если мы о нем не говорили, это не значило, что он не с нами. Я узнавала отца все больше, находила его через тантин. Понемногу я все больше понимала и принимала своего отца. Это было очень счастливое время.

В 2003 году я впервые увидела отца во сне, и это в дальнейшем повлияло на мои решения. Он был прямо передо мной, и я его весело окликнула, по-русски: «Папа!». Проснулась я взволнованная, и поняла, что все эти годы я носила его в душе. И теперь мы наконец-то встретились, лицом к лицу, и между нами возникло взаимопонимание. Траур окончен. Пора познакомиться с отцом поближе.

Но вскоре небо затянули черные тучи: в мае 2006 года умер мой любимый муж.

Шесть месяцев спустя умерла моя тангин, я была в этот момент рядом с ней. А еще четыре месяца спустя умерла моя кошка Минет, участник всех наших поездок. Это были не просто тучи, это была буря, ураган, смерч. Я была совершенно раздавлена.

Когда самая острая боль отпустила, я начала постепенно выплывать. Стала думать о том, что раз я теперь одна, то хорошо бы узнать, кто я такая. Понять свое прошлое, что для меня – жизнь во Франции и почему мне до сих пор трудно здесь адаптироваться, несмотря на то, что я в этой стране прожила шестьдесят лет. Эти мысли постепенно подвели к отцу. Кто он был? Как жил после лагеря? Что это был за человек, правда ли, что я на него похожа? Я была одинока, внезапно оказалась свободна, ничто меня больше не удерживало, и я начала думать о Магадане. Пока абстрактно, ведь Магадан – на другом конце света. Потом вмешалась судьба, взяла все в свои руки, и все пошло очень быстро.

В марте 2009 года моя соседка, историк, специалист по жизни заключенных ГУЛАГ'а и, плавное, по жизни их семей, пришла ко мне, чтобы взять интервью. Во время нашей беседы она сказала слова, к которым, видимо, была внутренне готова: «Вам надо съездить в Магадан». Все было решено моментально. Но на приготовления к поездке ушел год с лишним. Я со многими людьми говорила о том, что собираюсь ехать в Магадан, и таким образом и сама свыклась с этой мыслью. Живущая в Москве троюродная сестра Ирина, с которой мы близки, очень серьезно отнеслась к моим намерениям, стала искать членов общества «Мемориал», которые могли бы мне помочь. Прodelала огромную работу по поиску информации о Магадане, искала кладбище, на котором похоронен отец, многое узнала о народном театре, в котором он играл. Возможно, это семей-

ное – его тетья, Валентина Петровна Веригина, в начале XX века была в Москве знаменитой актрисой.

МАГАДАН

Дальше события стали развиваться с огромной скоростью – будто я больше не могла ждать. В марте 2010 года я купила в турбюро билет, получила визу, заказала в Магадане номер в хорошем отеле. Я решила ехать одна. Хотелось быть в этой поездке в полном одиночестве, наедине с самой собой. Это была МОЯ история, и было бы сложно делиться с кем-нибудь, объяснять, это бы мешало, исказило бы ощущения.

За десять дней до отъезда я узнала, что нашла могилу моего отца! Историк, журналист из Воронежа, Кирилл Борисович Николаев, сорок лет проживший в Магадане, отнесся ко мне с большим участием, он, в частности, разыскал в Магадане людей, которые могли мне помочь. Среди них – Тамара Никаноровна, я ее называла «мой ангел хранитель». Тамара Никаноровна всегда вела себя очень тактично, ее присутствие никоим образом не мешало, но она сразу откликнулась, если я нуждалась в помощи. Она меня познакомила с журналистами, с людьми, работавшими в архивах и в университете. Во время поездки я постоянно знакомилась с новыми людьми, мне давали номера телефонов тех, кто хоть в чем-то мог помочь. Мне оставалось только впитывать в себя всю информацию – каждый день приносил массу нового.

16 сентября 2010 года я вылетела из аэропорта Charles de Gaulle. Спустя четыре часа самолет приземлился в Москве. До магаданского рейса оставалось несколько часов, и я использовала это время, чтобы лучше узнать, почувствовать русских, вылетающих в разные города страны. Это ничего общего не имело с

международными рейсами. Ожидавшие вылета люди сидели, окруженные пластиковыми пакетами, повсюду бегали дети, многие из них плакали от усталости – было уже поздно. Наконец, в одиннадцать часов вечера началась посадка. Меня предупреждали, что нужно встать вначале очереди на посадку, потому что, если много багажа, пилот может вдруг решить больше пассажиров не брать. Это был большой аэробус, он был набит битком. В салоне царил веселая суета и неразбериха. Орали дети. Рыжая кошка всю ночь просидела в маленькой картонной коробке. Бедная кошка – во время досмотра ручной клади в аэропорту рентгеновским сканером, хозяйка, чтобы кошка не убежала, чуть не оставила ее в коробке. Мужчина во время полета вынул из картонной коробки свою собачку, и она весь полет просидела у него на коленях, на подгузнике. Он ее все время ласково гладил. Весь салон самолета был забит багажом, повсюду лежали яркие пластиковые пакеты – весь этот базар не уместился в багажное отделение. В самолете стоял веселый гам – говорили все, но мало кто слушал, или слушали вежливо, с полным безразличием. Пилот объявил, что в Магадане дождь и четыре градуса тепла.

Пятница 17.9.

Короткая ночь, почти без сна. Полет длится девять часов. Переводим стрелки часов на восемь часов вперед. Сидящая рядом женщина говорит, что у меня слишком легкое пальто. Я ведь еду из Франции, там тепло, и мы не умеем как следует одеваться. Она дала мне свой адрес и номер телефона, чтобы я пришла в Магадане к ней за шубой, она готова дать ее мне на все время, пока я буду в Магадане. Через полчаса она уже про это забыла, а когда выходили из самолета, мы уже с ней были будто совершенно незнакомы. Это искренняя доброта, но только на-

дежд на нее возлагать не стоит. За полтора часа до посадки в Магадане мы пролетали над потрясающе живописными горами. Позже я узнала, что их называют не горами, а сопками, они не выше 700 метров. На округлых вершинах многих сопкок лежит снег, иногда вершины покрыты толстым слоем льда. Постепенно заснеженные сопки сменились бесснежными, покрытыми лесами, сверкающими осенними красками. Самые разнообразные оттенки желтого, в основном – лиственницы. Между сопками пролегали русла рек. И везде – одни только деревья, ни одного дома, настоящая дикая природа. Вот в этих лесах и работали заключенные «Севвостлага».

Для развития золотодобывающей промышленности и для строительства автодорог в 1931 году был создан «Дальстрой», Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы. Трест силами заключенных и вольнонаемных начал строительство автодороги от Магадана до Усть-Неры и Якутска. С 1932 до 1953 года было построено 1042 километра дороги, получившей название Колымская трасса.

Заключенных привозили поездом во Владивосток и дальше перевозили в судовых трюмах. Перевозка морем длилась не менее двух недель, многие не выдерживали, погибали в пути. Строительство велось в нечеловеческих условиях, поэтому и говорят, что Магадан построен на костях – умерших так и оставляли на месте строительства, закатывали под трассу. Среди заключенных было много уголовников, в основном из больших городов, но были и артисты, писатели, геологи, архитекторы, инженеры. После освобождения многие из них оставались на поселении в Магадане, и благодаря этому городу удалось быстро выйти из разряда глухой провинции.

Я думаю, что выжить помогает умение

быть оптимистом, во всем находить позитив. Пишу это, вспоминая рассказ об эпизоде с отцом в заключении. В виде наказания в бараках и камерах не гасили свет, не давая заключенным спать. Отцу это в конце концов надоело, он позвал охранника и попросил принести ему книги, написанные Лениным, «хочу лучше узнать человека, против которого я боролся и благодаря которому я сейчас тружусь где-то на советском лесоповале». Это мне рассказала моя тетя, в начале 1960-х годов она виделась со своим братом. Мне было очень полезно услышать эту историю, она мне помогает никогда не опускать руки. Но вернемся к моему путешествию.

В три часа дня самолет приземлился в аэропорту Магадана, в 60-и километрах от города. Самолет изо всех сил тормозил, но проехал до самого конца не такой уж длинной посадочной полосы. Здесь ему, однако, удалось развернуться, и он поехал в обратном направлении. Я восхищена пилотом, сумевшим с такой точностью рассчитать посадку. Я думала, мы окажемся в поле.

К самолету подъезжает маленький автобус, всего один. Он немедленно заполняется до отказа. Но скоро подъезжает полуразвалившийся грузовик, тянувший на прицепе какой-то немислимый вагончик, мы все в него забиваемся и едем стоя, тесно прижавшись друг к другу. В аэропорту прибывших ждут родственники: поцелуи, цветы, эмоции. Зала ожидания нет, нет и отдельного помещения для выдачи багажа. Все уместаются в небольшой комнатке, в которую на конвейере выплывает багаж. Работница аэропорта, официальное лицо, пытается криком навести порядок, но на нее никто не обращает внимания. Почти у всех багаж упакован в полиэтиленовую пленку, заклеенную коричневой клейкой лентой. Некоторые пакеты напоминают мумии. Я спросила, зачем такая

упаковка, и мне ответили – это чтобы ничего не украли. Из здания аэропорта выпускают только после того, как ты отдашь этой строгой служащей маленькую, напечатанную на плохой желтоватой бумаге квитанцию с номером багажа. Служащая очень сердито смотрит в квитанцию и долго сравнивает ее номер с номером, указанным на багаже. Образуется ужасный затор. Но никто не нервничает, семьи рады встрече, все, счастливые, весело целуются.

До города надо ехать 60 километров на автобусе. После получасового ожидания наконец подъехал старенький, полуразвалившийся автобус. Но зато какой интерьер! Кружевные занавески, красные бархатные сиденья. Очаровательный старикан! Людей набилось так, что было не продохнуть, кто сидел, кто стоял – теснота невероятная, да еще запахи – табак, пиво, пот. Вдругна потолке автобуса заработал опромный вентилятор. Он так грохотал, что людям, чтобы друг друга расслышать, приходилось орать.

Через час, после частых остановок, мы приехали на площадь к автобусной станции. Поезда здесь не ходят, в Магадан можно только долететь на самолете, паромных рейсов нет, да и дорога всего одна – Колымская трасса.

Я ищу свой отель, гостиницу «Центральную» на улице Ленина. Это главная улица города, отсюда начиналась построенная заключенными Колымская трасса. Раньше так называлась и улица. Спрашиваю у прохожих, как дойти до гостиницы. Мне говорят – она там. Где «там»? Ну, идите в гору. Это нелегко после бессонной ночи да еще с большой сумкой, правда, она, к счастью, на колесиках. Наконец очень приятная женщина предлагает меня подвести к гостинице. Я сажусь в ее шикарную полноприводную машину, и мы проезжаем 50 метров. Я ей рассказываю, почему я приехала из Парижа в Магадан

– чтобы найти следы отца, подышать воздухом, которым он 14 лет дышал после освобождения. Она очень тронута, т.к с огромным уважением относится к родителям. И говорит – Бог хотел, чтобы я проделала это путешествие.

Отель «Центральный»

Вхожу в роскошный холл, пол и стены – из мрамора. Вдоль стен – комфортабельные маленькие салоны. Очень много растений. На каждом этаже маленький салон с растениями, фонтан с водой для питья и стаканы. Мой гостиничный номер как маленький люкс: красивая передняя, холодильник, кресло, журнальный столик, телевизор, который можно поворачивать, большая ванная комната, есть горячая вода, а она не всегда бывает даже в хороших отелях. В ванной, правда, несколько сломанных кафельных плиток. Два окна входят на улицу. Улица освещена шикарными уличными фонарями, такие бывают на Западе, например на Place Stanislas в Нанси. Тонкие занавески в стиле «рококо» от света не защищают, придется спать с маской на глазах. Из окна сразу увидела «Маску скорби» – монумент, созданный в память о заключенных. Я рада, что этот памятник виден из моего окна. Цель моей поездки – не только найти следы отца, но и ощутить страдания, которые испытали заключенные.

Суббота 18.9.

Погода хорошая, но в номере отеля холодно. Отапливается только коридор.

В городе лагерей сейчас работает несколько церквей разных конфессий – евангелическая, католическая и, конечно, православная. Достаивается православный собор в древнерусском стиле, высокий, белый, в плане квадратный, с золотыми куполами. Католическая церковь работает уже несколько лет. Настоятель Прихода Рождества Христова: о.

Майкл Шилдс – американец, он 14 лет живет в Магадане, хотел бы здесь и умереть, чтобы быть похороненным на земле мучеников. Автор витражей храма – француз из Нормандии. Малая часовня храма возведена в память о репрессированных мучениках, умерших на магаданской земле. За алтарем – стена из камней, привезенных из лагерей. На каждом камне в память о заключенных – маленький крест. Над стеной – большой деревянный крест с Распятием, по обеим его сторонам – иконы, Воскресения Христа и Покрова Божьей матери. Это красивый экуменический символ, страдающий Христос олицетворяет мучения заключенных. Под распятием лежит маленькая корона, сделанная из колючей проволоки, и в рамке четки, сделанные одной из заключенных. Место очень сильное и трогательное. Каждый камень передает страдание, и люди молятся за всех этих страдальцев. Все это мне показала монашка международного ордена Конгрегации Дочерей Милосердия. В Париже конгрегация находится на улице de Вас. Как тесен мир!

Погода роскошная, небо интенсивно-синее. Я решаю пойти в отель пешком. Иду через рынок, там выступают кандидаты – 24-го октября будут выборы. На площади построена высокая эстрада, на ней играет оркестр, поют девушки. Какое-то явно официальное лицо желает кандидату всяческих успехов. Другой кандидат весело читает свое выступление по бумажке, очень уверенно. Надо всем этим висит большой герб Магадана – окруженный звездами гордо прыгающий через море олень. Мне объяснили, что это – не звезды, а колымское золото. Золотой олень на красном фоне, синие волны с белыми барашками и золотые звезды. Крестьяне продают продукты: картошку, морковку, свеклу, яблоки, творог. Все продукты выглядят очень натурально и аппетитно. Зато мясо, какой

ужас! На прилавках на солнце к большой радости мух лежат разные куски мяса – вырезка, грудинка, бок – с костями и без костей, все вперемешку. Покупатели пальцами ворочают куски. Продавцы иногда отгоняют мух. Но ведь мясо все равно будут варить, и я решаю, что во всем этом нет ничего страшного. Продаются пирожки, их можно есть прямо здесь. Пирожки маленькие, с мясом, с капустой и с грибами. Можно выпить чаю с пирожками. И все это сопровождается грубоватыми шутками ведущего и пением местной певицы.

Я села с чашкой чая и пирожком за столики подумала, что, может, отец вот так же сидел здесь. Конечно, тогда, в советское время, не было церкви и собора, но он, наверное, слышал пение девушки деланное, а иногда и искреннее веселье ведущего.

Когда я вернулась в отель, мне позволила Тамара Никаноровна. Предложила после обеда поехать на могилу отца. Как только я решила ехать в Магадан на поиски следов отца, организация «Мемориал» в Москве стала искать его могилу. Нашли невестку моего отца, жену его приемного сына, она жива. Приемный сын умер в возрасте 47 лет от излишнего потребления алкоголя.

Садимся в маршрутку. Надо платить водителю, он ведет маршрутку и одновременно собирает деньги. Пассажиры передают ему через других пассажиров по цепочке деньги, а потом обратно по той же цепочке билетик из неказистой бумаги. Микроавтобус маленький, пассажиров много, везде полиэтиленовые пакеты. Дорога вся в ухабах. Целое приключение. Но нец подъезжаем к бухте Нагаева. Пейзаж прекрасный и в то же время печальный. Бухта окружена сопками. Сопки кажутся ласковыми, они принимали суда, на которых на Колымус востока привозили заключенных. Но ласковые на вид сопки опасны,

в их лесах бродят медведи, а во время прилива можно оказаться у подножья сопки в окружении воды.

Еще несколько лет назад в бухте Нагаева был большой рыбный порт. Но во время перестройки все разрушилось. Из-за загрязнений исчезла рыба. Многие жители Магадана остались без работы и жилья. Они стали строить себе на берегу маленькие будочки, и теперь живут в них без удобств, без воды. Некоторые будочки почти похожи на дома. Такие же будки служат дачами, часто перед убогой дачкой стоит шикарная машина. Для русских очень важно иметь шикарную машину – чем больше машина, тем богаче, значит, владелец. О людях судят не по жилью, ведь не обязательно знать, как человек живет, а вот машину видят все. Шикарный внедорожник, свидетельствующий о достатке – мечта каждого жителя Магадана.

Мы с Тамарой Никаноровной входим на кладбище. Через все кладбище тянется заасфальтированная дорога, вся в выбоинах. Ремонтировать, видимо, дорого – длинная холодная зима, от 30 до 50 градусов мороза. По обеим сторонам дороги в беспорядке раскиданы могилы. Попадают очень красивые, хорошо ухоженные могилы, окруженные деревянной или металлической оградой. Однако территория между могилами никого не волнует, там растут, и туда падают и гниют деревья. Все, что вокруг могилы, никого не касается. Если пнилое дерево падает на могилу, родственники просто сталкивают его куда угодно – на тропинку или на другую могилу. Кладбище заросло травой, напоминает дикий лес, в этом даже есть свой шарм – здесь весело вперемешку растут лиственницы, березы, рябины, и все они несут в своих корнях память о похороненных здесь людях. От кладбища не веет печалью – семьи приходят навещать своих мертвых, приносят с собой еду, садятся около могилы на

скамейки, накрывают столик. У каждой могилы отдельная площадка со скамейкой и деревянным столиком. У надгробного памятника стоит чашка покойного, его родственники, приходя, приносят свою посуду.

На перекрестье тропинок мы сворачиваем направо, и я вдруг оказываюсь будто на лугу с травой выше пояса. Я люблю траву и никогда не понимала, почему ее нужно косить. Правда, трава здесь очень разрослась, но в ней столько жизни! Метелки мятлика будто склонились в приветствии, алеют цветы святого Иоанна, невысокая трава, уже осенних тонов. Все в гармонии с золотыми, зелеными, красными оттенками древесной листвы.

Папа, твоя могила хорошо сохранилась, несмотря на то, что сюда уже 20 лет никто не приходит. Надгробный памятник как обелиск, на вершине – звезда. И это у тебя, человека, которого посадили на 10 лет, потому что ты боролся против этой самой коммунистической звезды! В Советском Союзе похороны устраивались по месту работы, где тебя, судя по «богатой» могиле, ценили, да еще ты был хорошим актером в театре. Обожу могилу и вижу покрашенную серебряной краской дощечку, на которой написано Веригин Игорь Михайлович 1907 – 1968. И над ней – твоя фотография. И какая! Красивая, четкая, прекрасно сохранилась. Ты смотришь немного вверх. Взгляд удивленной и очень ясный. Легкая, печальная улыбка, но в то же время эта улыбка полна надежды. Ты будто говоришь: после всех этих лет заключения я жив. Но какой ценой. Ты меня ждал, я знаю. Ты не под землей – когда приблизилась к могиле, я почувствовала, что ты рядом и наши души коснулись друг друга. Я твоя дочь, ты Веригин и я Веригина. Тантин, твоя сестра, похожа на тебя. У меня такое ощущение, что не было этих бесконечных лет твоего заключения, что ты снова создал меня, я

Марианна с Тамарой Никаноровной

будто родилась заново. Меня охватывает какое-то неземное чувство. Вот это и есть настоящее счастье. Уверенность в том, что я сейчас именно там, где и должна быть. Мы нашли друг друга, и теперь я смогу безмятежно прожить оставшиеся мне годы, и ты, наконец, тоже свободен. Какое-то мгновение я будто нахожусь в прострации, окружающего мира для меня в этот миг не существует. Все тело будто опустело, меня трясет, я не могу произнести ни слова. Как хорошо, что моя спутница деликатно отошла, оставив нас с тобой наедине, отец.

В 1957 году я получила от тебя письмо, к сожалению, его у меня больше нет. Ты писал в нем: сейчас тебе трудно понять, но позже ты меня поймешь. Чтобы понять, пришлось ждать до 2010 года. Я знаю, что наши родственники в Москве тебе помогали во время заключения, тебе удалось сохранить достоинство, не утратить свой идентитет. Я теперь постараюсь понять твою жизнь, твое увлечение театром, твое невероятное умение

сохранять оптимизм. Постараюсь понять, какая была твоя вторая жена. Как много на земле печали!

После всех этих эмоций я хочу обратно в отель, но Тамара Никаноровна строго говорит: «Марианна Игоревна, надо почистить могилу, выкрасить ограду и памятник». Я об этом не подумала. Тамара Никаноровна говорит, что надо ехать за краской и металлическими щетками, чтобы снять старую краску. Надо ехать в специализированный магазин, где продают финскую краску. Это самая лучшая краска. Абсурдность истории: в 1945 году Финляндия выдала моего отца СССР, а его могилу мы будем красить финской краской. Меня охватывает легкая паника, потому что я не умею красить. Но Тамара Никаноровна обещает все взять на себя.

Когда мы идем обратно к выходу с кладбища, я обращаю внимание на ухоженную могилу. На ней искусственные цветы, маленькие камушки, крашеные скамейка и столик. У могилы плачет женщина. Год назад убили ее сына, ему было 26 лет. Женщина принесла на могилу тарелку с хлебом, колбасу, сыр, масло, до краев налитый стакан пива, папиросы. Сын есть не придет, но это для бедных – таким образом она, через своего сына, им помогает. Мы с Тamarой к ней подходим, она дает нам конфет и печенье – говорит «на светлую память о сыне». Мы молча едим – на могиле не говорим спасибо.

Воскресенье 19.9.

Сегодня начали отапливать номер гостиницы, до сих пор он был ледяной. Говорят, до перестройки начинали топить 5-го сентября, но сейчас экономят. Я решила ходить по городу пешком, чтобы лучше его почувствовать. Магадан – красивый город. Центр построен в 1939 году. В этом году планируются большие праздники по случаю 70-летия

города. Главная улица тянется от самой бухты Нагаева, здесь стоят красивые дома с колоннами, маленькими башенками, в стиле неоклассицизма. В строительстве города после войны участвовали и японские военнопленные, они построили несколько домов по Колымскому шоссе (сейчас – ул. Ленина), на ул. Портовая и Сталина и напротив Парка культуры. Дома хорошо сохранились, даже несмотря на то, что в послевоенное время строительство было не очень хорошего качества. Город содержит здания в порядке, они часто ремонтируются.

Говорят, до перестройки Магадан был оживленный, активный город. Здесь работало четыре кинотеатра, были танцевальные залы, театры. Люди любили вместе проводить время. Отец был артистом народного театра. Его жена Зоя тоже играла в этом театре. Вечером они часто приглашали актеров к себе домой, разговаривали о театре, веселились допоздна. Это меня радует – мне такая атмосфера хорошо знакома. Так жили мои родители в Руане, и мы с мужем и детьми во Франции, семьей тангин в Финляндии.

По рассказам, в Магадане после перестройки все это прекратилось. Больше не было денег, люди стали жить отчужденно и сейчас жалуются на маленькую пенсию, на безразличие правительство. Магаданцы ощущают, что находятся на окраине, далеко от центров. Сейчас остался только один кинотеатр, работает один театр. Однако, несмотря на жалобы, в городе ощущается духовное богатство. Здесь активно работают научные институты, развивается туризм – летом сюда приезжают на рыбалку, ловить лосося, и на медвежью охоту, зимой ходят на лыжах. Расширяются международные связи – немецкие бизнесмены приезжают продавать автомашины, многих привлекает колымское золото, к сожалению, также бандитов и мафию.

В Магадане хорошие магазины – продовольственные, одежды, промтоварные, мебельные, много маленьких магазинчиков. Магаданцы любят финские товары – одежду, кухонные принадлежности, ширпотреб. Здесь немало богатых – мужчины ездят на шикарных внедорожниках с затемненными окнами, много одетых со вкусом, элегантных женщин. Молодые женщины – стройные, на высоких каблуках, тем, у кого ноги, как угазели, это идет. Самый большой шик – солнечные очки, они обязательно должны быть фирменные. А молодые матери соревнуются, у кого лучше детская коляска. Я таких колясок и не видела – комфортабельные, на рессорах, красивых расцветок, одним словом – люкс. Дети и подростки хорошо одеты, аккуратно причесаны, и никакой небрежности в одежде. Возможно, оттого, что Магадан так далеко от больших городов? Или потому, что это молодой город, и после всех этих темных лет здесь все хотят жить в свое удовольствие. Такое ощущение, что сюда еще не пришла зараза декаданса. Правда, сравнить не с чем, нет ни дороги, ни поезда, чтобы поехать в другой город. Благополучие мужчин, видимо, соответствует их весу: чем больше килограммов – тем мужчина значительнее.

Главная улица – проспект Ленина – раньше называлась Колымская трасса. Улица проходит мимо городского парка. Это большая территория, почти дикий лес, в котором петляют дорожки и тропинки, много лиственниц, берез и рябины. Все деревья низкорослые, с искривленными стволами. Здесь часто дуют ветры с обеих бухт Охотского моря – получается словно сквозняк. Холод мешает росту деревьев. Но детям кажется, что они играют в настоящем лесу. Парк чистый, нет ни мусора, ни окурков.

В городском парке на постаменте, на котором раньше стоял памятник Лени-

ну, к 70-летию города возведен монумент «Добрый Ангел Мира». Он «олицетворяет слияние разных сфер нашей жизни на основе высшего человеческого закона – закона Милосердия и Добра. Это уникальный символ единения людей разных национальностей, разных конфессий, представителей разных государств. Композиция выполнена в классических архитектурных традициях. Каждый ее символ наполнен глубоким смыслом, воплощая устремленность человека от Земного – к Небесному, от Обыденного – к Великому. Центром является мраморная колонна, увенчанная фигурой Ангела, ступающего по полусфере, олицетворяющей Землю. В руках Ангела – голубь, символ Мира и Надежды. Пусть Добрый Ангел Мира хранит Магадан от всех невзгод, несет немеркнущий свет Добра, мир и согласие в каждый дом, в сердце человека!»

Прочитав этот красивый текст, увидев впечатляющую фигуру ангела на верху колонны, я пошла по проспекту Ленина обратно в отель. Погода замечательная, на солнце греются голуби. В Магадане голуби большие, упитанные, люди их любят. Все их кормят, никому и в голову не приходит их уничтожать. На проспекте Ленина стоит маленькая часовня с зеленым куполом. Внутри, как во всех православных храмах, – красивые царские врата и иконы. Часовня всего на десять человек. Старушка продает свечи и иконы. Главная ее работа – следить, чтобы у женщин, входящих в часовню, на голове был платок или шляпа. Если нет – у нее в свечном ящике на прилавке припасены платки, она их дает поносить. Когда идешь по проспекту Ленина, проходишь мимо стены героев, на которой большие фотографии ветеранов войны, известных людей, политиков, что-то сделавших для города, знаменитых актеров. Многие, как рождественская елка, увешаны орденами. К счастью,

места на груди для орденов хватает, все герои – люди упитанные. У женщин вид строгий, даже устрашающий. Немыслимые прически, но одеты очень строго. Я-то думала, что так выглядели только советские женщины. Потом пошла по другой аллее променада, по краям росли березы и цветы. Краски цветов невероятные – это из-за белых ночей. В течение двух месяцев в году – в июне и июле – солнце не заходит, растения постоянно бодрствуют, свет дает им больше жизни, придает краскам яркость.

Понедельник 20.9.

Позвонила Тамара Никаноровна, она нашла Тамару Леонидовну, хорошо знавшую отца, она работала с ним в театре. Едем на кладбище, чтобы начать работу, Тамара Леонидовна с нами. Она рассказывает, что папа был очень добрый, помогал людям, был ко всем внимателен. По ее рассказу я поняла, что ты был по-настоящему благородным человеком. Конечно, я это знала. Ты работал на рыбном заводе, что ты там делал? Хотя главное в твоей жизни – театр. Тамара Леонидовна говорит, что я на тебя похожа. Я горда.

Вторник 21.9.

Сегодня утром я проснулась в 8 часов утра от страшного грохота: грузовик чистил большими щетками улицу, на машине висел большой плакат: «Чистота и порядок – Магадану». Город выглядит ухоженным, несмотря на то, что на тротуарах и мостовых большие выбоины. Здесь легкий воздух, говорят, пониженное содержание кислорода, вызвано колебаниями геомагнитного поля Земли. Воздух легкий, прозрачный, и я здесь чувствую легкость, может, это из-за того, что ощущаю, как обреченные на гибель люди верили, что выживут и выйдут на свободу. Легкость вызвана их надеждой и верой, мне кажется, что я эту

веру ощущаю. Я словно чувствую души погибших. Как много надо за них молиться! Магадан – город уникальный, вызывающий массу ощущений и чувств.

Продолжаем работу на кладбище. До покраски надо металлической щеткой счистить старую краску. Это тяжело, начинают болеть руки. Тамара Никаноровна – энергичная, любящая порядок женщина. Говорит, что у меня нет системы. Я конечно, больше погружена в свои мысли и чувства. Вдруг пришла похожая на волка собака. Она легла около наших вещей и стала тихо плакать. Я ей дала печенью, она его деликатно съела, была явно голодная, но очень печальная. Мы с собакой попрощались, и она медленно ушла. Я об этой собаке помнила весь вечер.

Среда 22.9.

Погода хорошая, но холодно. Мне холодно, а местные считают, что это очень мягкая осень. Я стала достопримечательностью – парижанка в Магадане. Газета «Колымский тракт» хочет опубликовать статью о моей жизни, о том, почему я захотела совершить такое далекое путешествие. Фотограф пришла ко мне в отель, мы вышли на улицу и она сделала фотографии (хорошие). Потом пошли в журнал, где Надежда Субботина взяла у меня интервью. У меня попросили фотографии детей, я дала свой фотоаппарат и каково же было мое удивление, когда я увидела в статье не только фотографии моих детей, но и моей кошки.

После редакции у меня встреча с Тамарой Никаноровной. Едем на маршрутке номер один на кладбище. К нам туда приезжает Надежда Кузьминична, 80-летняя старушка с лицом как печеное яблоко. Она уже похоронила двух дочерей, но полна сил. Соскребает старую краску, красит, убирает толстые стволы,

готовит чай. В России традиция пить и есть на кладбище вместе с усопшими – они активно участвуют в жизни. У нас не хватало одной чашки, пришлось одолжить с соседней могилы. Воды не было, и мы просто ее обтерли. Потом взяли в ограде скамейку, немного ее подремонтировали. Стол тоже пришлось взять с другой могилы. Надежда Кузьминична расстелила на столе скатерть, разложила печенье, шоколад, фрукты.

Накануне вечером Надежда Кузьминична спрятала кисточки, уайт спирит, тряпки и чашку. Когда пришли, никак не могли их найти. Тамара Никаноровна сказала: вот видите, как в России все крадут. Но пришла Надежда Кузьминична и оказалось, что она спрятала кисточки в траву под упавшим памятником, и мы все нашли.

Когда мы уходили, я увидела между могилами мертвую собаку, той же породы как та, которая была накануне. Вот почему она была так печальна.

«Папа, я пока тебя не чувствую, но знаю, что ты здесь. Я привожу в порядок твою могилу, крашу памятник, потом схожу в архив, материалы в них мне помогали подыскивать многие, особенно много помог Кирилл Николаев. Но мне, по сути, не так важны документы, как общение с тобой. Мы наконец-то нашли друг друга и теперь наши души смогут общаться».

Магадан находится в сейсмически активной зоне, здесь постоянно небольшие землетрясения с эпицентрами на земле, и в море. От этого возникает странное ощущение, будто все вокруг находится в постоянном движении. Я словно в нереальном мире. Но мне кажется, что это я ощущаю отца. Или, возможно, это я чувствую безмерные страдания умирающих заключенных. Колымский край – место особенное, здесь невозможно оставаться безразличным.

Четверг 23.9.

Утром я бегала в архивы и в милицию. Моя история интересует многих людей, все стараются как-то помочь. В архиве уже был готов официальный документ, где написано, что мой отец с 1963 года до самой смерти работал главным бухгалтером на рыбном комбинате, в порту. Он умер 22-го июня 1968 года. Где он работал до этого – неизвестно. В архиве обещали поискать сведения. В милиции сказали, что постараются узнать точно, когда он приехал в Магадан и где работал до комбината, но это довольно сложно, т.к. трудовые книжки нового образца появились только в 1973 году, а старые не сохранились. В милиции мне объяснили, как подать на реабилитацию. Но я не хочу начинать в Москве этот процесс. К тому же русские часто очень искренне многое обещают, но потом быстро забывают свои обещания. Для меня самое важное, что я нашла своего отца, он нашел свою дочь, и этого нам достаточно. Пока у меня даже нет сил на официальные запросы. Возможно, я просто боюсь найти что-то такое, что мне тяжело было бы знать. Я не хочу идеализировать своего отца, у него свои дефекты, как у всех. Мне только надо было знать, что он жил в этом городе, ходил по улицам, по которым сейчас хожу я, дышал тем же воздухом, даже бывал в тех же магазинах. Я думаю, он не забыл жизнь в Финляндии с моей матерью и со мной. Возможно, от этого у него на фотографии печальная улыбка.

Пятница 24.9.

Последний день работы на кладбище. Я очень горда результатом нашего коллективного труда. Дощечка с фамилией и датой рождения сделана из бронзы. Мы ее вычистили, вымыли, и она заблестела. Красивая дощечка на коричневом обелиске, фотография отца, на которой он как живой... Я оставляю настоящий

шедевр. Папа, наверное, доволен, что у него такая красивая могила. Я нашла кустики брусники и посадила их у памятника. Надежда Кузьминична предлагала покрасить звезду в красный цвет, но я сказала – нет. Не будем мы ничего делать со звездой, жертвой которой стал мой отец. Потом между могилами на одолженном столике мы снова сидели, пили чай, ели хлеб, сыр, шоколад, конфеты.

Чтобы отдохнуть, пошли на прогулку на так называемое первое кладбище города. Отец похоронен на втором, теперь есть и третье. Первое кладбище – заброшенное, сплошной лес и среди деревьев разрушенные могилы, много ям. Но вдруг среди леса – большой хорошо сохранившийся памятник черного гранита. Здесь похоронена 17-летняя девушка. Она родилась в Киеве в 1917 году, умерла в Магадане в 1935 году. Ее родители написали красивую эпитафию и поставили к памятнику ее фотографию. Этот памятник уже столько лет гордо стоит в совсем заброшенном месте. Когда я его фотографировала, мне показалось, что я оказалась в бесконечности. Еще в этом лесу среди опавших листьев в высокой траве стоит мраморная колонна на мраморном постаменте. На вершине колонны чаша, в которой спит маленький ангел. Вид у него очень спокойный. Маленькие ножки скрещены, маленький рот улыбается, руки сложены на груди, и в них кто-то вложил большие свежие цветы. Меня эти оба надгробных памятника очень тронули. Первозданная природа охраняет два памятника, два символа горя родителей, потерявших детей.

Суббота 25.9.

Сегодня – дачный день. 20-летняя Настя приехала за мной и Тamarой Никаноровной на шикарном внедорожнике «Гойота». Все машины привезены из Японии, поэтому они с левосторонним

управлением. День ясный, солнечный. Мы едем на дачку приятельнице Тамары Никаноровны. Приятельница работает корректором в «Колымском тракте». Шоссе широкое – по две полосы в обоих направлениях. Вокруг сопки. На вершине самой высокой, высотой 700 метров, уже лежит снег. Чуть ниже изумительные краски – желтая хвоя лиственниц, красные кроны рябин. Местами большие серые прогалины – там были лесные пожары. У дороги – картофельные поля, картофель уже убрали. Земля здесь плодородная. Проезжаем участки, и мне объясняют, что их выделяют только инвалидам, специально около дороги, чтобы удобнее было добираться. Когда Тамара Никаноровна это говорила, я почувствовала в ее голосе гордость за то, что здесь так хорошо обращаются с инвалидами.

Проезжаем 23-й километр. Названия деревень не указаны, но обозначено, сколько километров от Магадана. Здесь мы сворачиваем направо, на разбитую грунтовую дорогу. Довольные, что машина выдержала и не развалилась, подъезжаем к дачной зоне. Здесь улицы и 200 дач, часть огорожена заборами, все дома разные. Есть очень красивые деревянные дачи, а есть старенькие вагончики, или дачи собраны из самых разных материалов, что под руку попало. Каждый красит дачу на свой вкус, краску выбирают по карману или из того, что есть в магазинах. Видимо, во все времена синяя краска – самая дешевая. Подъезжаем к старенькому ржавому вагончику. Хозяйка нас встречает, с гордостью показывает дачу. Снаружи дачка выглядит неказисто, зато внутри уютно – стены оклеены обоями, на полу большой ковер, из мебели – кровать, диван и два кресла. При входе стол, стулья, электрическая плитка, раковина без стока, под раковиной стоит ведро. Есть даже электричество. Летом вода течет из крана

всаду, но сейчас вода уже перекрыта иза водой для чая надо идти на речку. В огороде грядки подперты досками, чтобы не расплзались. Хозяйка выращивает морковь, картошку, петрушку, горох, салат. Салат никто неест, но это для красоты. В саду цветы, кусты и низкорослые деревья. Кусты служат туалетом. В саду стоит стол, две скамьи, из толстых досок, положенных на камни, и гриль, сооруженный из большого ржавого металлического ящика. Все лето в саду сплошные праздники. Русским много не надо – главное быть вместе, и все делить между собой – и радости, и горести, и еду. Это образ жизни. И сердце греет, и все трудности забываешь. Потом мы пошли собирать бруснику. Прошли маленькие болото, перепрыгнули речку. Мне сказали, что мы придем в лес. Но оказалось, что это вовсе не лес, один сухостой, сгоревшие деревья и ягель. Когда я спросила, что случилось, у хозяйки сделался печальный вид, и она сказала, что в один день – она даже не помнит когда – лес сгорел. Потом вдруг ее лицо озарилось и она очень весело сказала: «Смотрите Марианна Игоревна, сколько брусники!» Это самое лучшее время для брусники, она темно-красная, крупная, сочная и сладкая. Просто магия! Ягоды размером с небольшие оливки из Ниццы. Потом я нашла синие ягоды на кустах. Никогда таких не видела. Думаю, они растут только на севере. Говорят, они хорошо утоляют жажду. Надо раскусить ягоду, проглотить сок, а кожуру выплюнуть. Там росла еще какая-то черника овальной формы, в ней, мне сказали, много витаминов. На вкус не очень, но есть можно. Собирать ягоды среди этой природы было для меня как купанье в оптимизме и радости. Аня, на дачу к которой мы приехали, все время любовалась пейзажем – осенние цвета, а вдали – белый снег. Аня здесь родилась и говорила, как

ей повезло, что ей выпало счастье тут жить. Конечно, хорошо бы побывать и в других странах, особенно во Франции, в Париже. Он для нее как миф. Но она счастлива, что живет здесь, в местах, где суровый климат и красивая природа. Климат, и правда, суровый, – здесь нет Гольфстрима, как в Финляндии.

Потом Аня сделала шашлыки. Тамара привезла баранину и перед тем как идти за брусникой, положила ее в маринад с лимоном, чтобы убить бактерии, потому что холодильника не было. В маринад она положила лук, соль, перец, разные специи. Сосед пришел, чтобы помочь разжечь гриль. Здесь всё делают сообща.

На обратном пути природа нам подарила изумительный северный закат. На самом горизонте – полоса интенсивно-белого цвета, а на над ней сияет золотисто-желтая полоска, которая постепенно переходит в оранжевую.

Воскресенье 26.9.

8 утра. На стене дома напротив – ярко-желтый, золотистый солнечный отблеск. Я никогда еще не видела такого интенсивного, магического цвета. Я была очарована. Это длилось всего пять минут, я даже не успела сфотографировать.

Я пробыла три часа в музее на выставке о ГУЛАГ²е. Условия были нечеловеческие: холод, непосильная работа, хлеба 800 грамм в день для самых сильных. Слабые получали по 500 г., а умирающие по 200. Многие умирали от дизентерии. Но я узнала, что у финских заключенных условия были немного мягче, возможно, потому, что их готовили стать в Финляндии пятой колонной, информаторами на случай войны. Сколько же плохого в мире и людях, отчего это?

Потом я пошла на море. По пути нашла дом, где жил отец. Дом добротный, из окон видно море. Сразу около него, правда, начинаются настоящие трупобы.

Жители называют эти бараки дачами. Они даже гордятся этими дачами и своим умением превратить бедность в красоту. Хотя, возможно, они так говорят иностранке, а между собой по-другому. Я не нашла пляжа, спросила одну женщину, как пройти. Она сказала, очень довольная, с блестящими глазами: «Вы хотите увидеть нашу красоту?» Я думаю, она это говорила искренне, без иронии. Спускаюсь вниз по тропинке и вижу огромную свалку. Ошеломительный контраст: море, чистая вода, освещенные солнцем желтые кроны деревьев – и ржавый металл. Ржавые суда кончают свой век на земле среди травы и луж. Немного подальше стоит белый маяк, который, наверное, раньше был нужен. Он стоит между бараками и контейнерами, где живут люди. Две чайки на холодной воде. Летом море не больше 13 градусов. Вдали идет пароход. Рыбу больше не ловят, вода загрязнена, закрылись перерабатывающие рыбозаводы. Мир контрастов: холодные оттенки моря, кладбище ржавых судов, сопки, с одной стороны окрашенные солнцем, с другой – темные, тревожные. Разбитая дорога и шикарные внедорожники – среди первозданной природы и полной разрухи. Вряд ли я еще когда-нибудь увижу такие сочетания красок – теплые тона осенних деревьев и холодный металл, разруха и красота природы. Другой конец мира. В других местах все теперь будет казаться монотонным и бесцветным.

Вторник 28.9.

Думала, день будет спокойный. Но он оказался полон сюрпризов. Утром на завтрак со мной заговорил журналист и писатель Яцек Хуго-Бадер из Польши. Он услышал мой разговор с официантом и хочет взять у меня интервью. В Магадане он впервые, собирается проехать автостопом по всей Колымской трассе! Как минимум тысячу километров!

Сперва думал ехать на мотоцикле, но становится все холоднее. Моя история его очень заинтересовала, просит показать ему могилу отца. На кладбище он много фотографировал могилу и меня тоже. Потом повела его по кладбищу. У него интересные мысли, хочет написать вторую книгу о заключенных и их семьях. В Магадане собирает также самую различную информацию, в том числе за деньги, у уголовников. Золото Колымы породило свою мафию, здесь много китайцев-контрабандистов. С Яцеком интересно разговаривать, я ему рассказала о своей философии жизни. Обратились на маршрутке номер 15. Он никогда раньше не ездил на маршрутке, и ему очень понравилось.

Я хотела побывать в музее геологии. На улице у молодой женщины спросила, как туда пройти, а она говорит, что знает обо мне от своей приятельницы, которая меня подвозила до гостиницы в день моего приезда, когда я, растерянная, стояла с большой сумкой и не знала, куда идти. Женщина, у которой я спрашивала дорогу до музея, сначала пригласила меня в свой офис. Там был еще один мужчина, и я стала им рассказывать свою историю. Мужчина внимательно меня слушал, и лицо его становилось все печальнее. Его мать тоже была заключенной. Каждое утро она должна была на пару с другой женщиной заготовить шесть кубометров древесины и дотащить ее до лошадиной повозки, которая стояла в отдалении. Нормы не снижали даже зимой. Вечером, чтобы согреться, женщины грели в дровяной печи по два кирпича и клали их горячими – один под голову, а другой к ногам. Удивительно, как после таких испытаний и унижений люди могут жить дальше! Я почувствовала, что мужчине было важно рассказать мне трагическую историю своей матери. Рассказав, он явно почувствовал большое облегчение. Я очень внима-

тельно его слушала, а когда уходила, мы внимательно, с чувством сострадания посмотрели друг на друга. Еще он сказал мне, что моего отца освободили до окончания срока, скорее всего, именно с тем условием, что он поедет в Магадан, где нужны рабочие руки.

Среда 29.9.

Снова день, полный сюрпризов. Утром на проспекте Карла Маркса у меня встреча с историком музея. Между нами сразу возник теплый контакт. Женщина рассказала, как ездила дочкой в Париж, хотела бы еще побывать в Лионе. В музее я была и раньше, но сейчас услышала много интересного – о том, как на Колыму отправляли много интеллигенции из Москвы и других городов. Если нужны были, например, врачи – под каким-нибудь предлогом сажали или ссылали на Колыму врачей. На золотых приисках постоянно нужны были работники, умерших сбрасывали в шахты, а на их место пригоняли других. Расстреливали, говоря, что заключенные готовят мятеж, но на самом деле – тех, кто больше был не нужен. Так был построен и город Магадан. После освобождения и затем после упразднения ГУЛАГ'а многие бывшие заключенные остались в Магадане, среди них было много журналистов, писателей, архитекторов. Благодаря им город стал обладать прекрасно развитой культурой.

Днем я была в библиотеке на вернисаже талантливого местного художника Петра Попова. Он пишет в основном природу, стиль у него академический, фигуративный. Я его поздравила с успехом. На вернисаже были журналисты, местное телевидение. Там меня пригласили на празднование Международного дня пожилых людей. Его отмечают первого октября каждый год. Зал был красиво украшен, угощали чаем с печеньями, на сцене выступали певцы,

дети сыграли для стариков спектакль. Ветераны были увешаны орденами и медалями. Депутаты были в изысканных костюмах, а их жены ревниво оглядывали туалеты друг друга. У стариков теперь пенсии очень маленькие, администрация это знает, но ничего не может поделать, стараются поднять дух стариков вот такими праздниками, говорят, как их ценят, что они молодцы – были хорошими родителями, вырастили внуков, без них общество бы не могло существовать. Пенсию все же повышают, говорят, с 2002 по 2010 год она выросла на 80 процентов. Правда, многие пенсионеры работают, говорят – нужно работать в любом возрасте. И это правда – старушки работают дежурными в музеях, в гардеробе или «дам пипи» в общественных туалетах. Старые люди все же получают разные льготы, для них есть специальные магазины, где продукты намного дешевле. Хорошая пенсия – около 800-900 евро, но чаще всего пенсия не более 300 евро. Дети обычно помогают старикам. Правда, мне сказали, что люди нового поколения, у кого выше уровень жизни, как раз наоборот – бросают стариков. Деньги уже и здесь начинают ожесточать людей.

После праздника для стариков водитель и сотрудник музея повезли меня смотреть мемориал, созданный в память о жертвах сталинизма – «Маску скорби» Эрнста Неизвестного. Монумент представляет собой огромную человеческую голову из бетона. Лицо обращено в сторону моря, скорбно стиснутые губы. Из левого глаза текут слезы – это лица людей, по ним тоже текут слезы, и это лица. Все лица разные. Здесь представители всех мест, из которых были заключенные. У некоторых выдающиеся скульптуры, раскосые глаза, длинные усы.

Монумент полый, сзади неканоническое распятие и скульптура молодой плачущей женщины. И само место и,

главное, памятник не оставляют никого равнодушным, каждый проявляет чувства, кто кладет цветы, а кто стреляет в монумент, даже видны следы пуль. Место очень сильное, у меня даже закружилась голова. Мой спутник сказал, что это неудивительно, потому что монумент стоит на месте, где была «транзитка» – перевалочный пункт, с которого этапы заключённых отправляли по лагерям. Здесь стояли бараки. Самых крепких посылали на Колыму в золоторудные шахты, те, кто был послабее, строили город. Умиравших хоронили здесь же. На том месте, где стоит «Маска скорби» и на пути к ней – много человеческих останков. Вот почему мне было плохо – я почувствовала все эти страдания. Крутом большие каменные блоки, на каждом блоке религиозный символ: крест, полумесяц, иудейская звезда, буддийский инь-ян – религии, которые исповедовали заключенные. Огромный монумент на вершине магаданской горы помогает пережить – кому былые страдания, кому воспоминания о постыдном прошлом. Сюда обязательно в первую очередь едут все официальные лица, когда приезжают в Магадан, возлагают цветы, произносят речи об ужасах сталинской эпохи.

Четверг 30.9.

Позвонила Ольга Николаевна – женщина, которую встретила во вторник на улице, когда искала музей геологии. После нашей встречи она позвонила своей приятельнице Кате, которая в первый день отвозила меня в отель. Катя устроила встречу в Музее геологии с профессором института Мариной Ивановной. Это были очень интересные два часа. Я узнала в зале палеонтологии, как жили первые населявшие эти места люди, как охотились, как ловили рыбу. Я видела метеориты, упавшие недалеко от Магадана, муляж мамонтенка, оригинал которого в Санкт-Петербурге. Зарожде-

ние жизни, эволюция повсюду шла одинаково: те же бактерии, такие же ракушки, такие же динозавры. Я узнала, что Магадан окружен вулканами – и на земле, и под водой, в Охотском море, недалеко от Японии. Часто бывают небольшие извержения и землетрясения. Недра Магаданской области богаты золотом и полудрагоценными камнями. Здесь бывает много исследователей – изучают породу, камни, магаданскую землю. Это завораживает – ты находишься в месте, которого лишь в отдельных местах коснулась цивилизация, где первозданную природу нужно уважать, потому что правила диктует она. Природа держит человека на расстоянии, и чуть что – она может вздыбиться. И так постоянно – и на море, и на суше. О ней ни на минуту здесь нельзя забывать. Даже создается впечатление, что метеориты предпочитают падать именно сюда. Породы, камни, если их разрезать, – начинают играть изумительными красками – синий, оранжевый, желтый, коричневый. Как долго это продолжится? Человечек не любит, когда главенствует не он. Что он может придумать, чтобы стать сильнее природы? Во время поездки в эту часть мира я испытала нечто уникальное.

После обеда пили чай с Тamarой Никаноровной и Тamarой Леонидовной, она снова рассказывала о Народном театре, в котором работал отец, о том, как вся труппа уезжала на длительные гастроли по так называемому «Золотому кольцу Колымы». Жили в палатках. Поселки Магаданской области, Золотого кольца, возникли, когда появилась необходимость расселять освободившихся из лагерей людей, которым запрещено было жить в больших городах. Так появились поселки со своими школами, больницами, клубами, магазинами. В них селили прежде всего женщин,

чтобы они создавали семьи. В двух поселках, Ягодное и Палатка, говорят, были даже санатории. Магаданская труппа выступала и в Сусумане, городе с очень холодным климатом – зимой температура может достигать минус 50-60 градусов. Поселки и города Магаданской области снабжались из Магадана, туда все подвозилось морем, а дальше везли грузовиками по трассе. Города и поселки жили активной жизнью, до перестройки население было стабильно, оттока не было. Говорят, жизнь бурлила по всей трассе. Население во многом состояло из бывших заключенных, интеллигенции – можно себе представить их аппетит к жизни после освобождения. После перестройки, с введением рыночной экономики, государство перестало помогать поселкам, и население из них стало выезжать в крупные центры. Большие города выжили, а маленькие поселки, в которых бурлила жизнь, работали больницы, школы, библиотеки, – опустели. По пуги на аэродром я видела, во что они превратились – одни руины. Безрадостная картина – дома без крыш, с полуразрушенными стенами, окна без стекол. Все брошено, как после огромного катаклизма.

Перестройка, наверное, тяжела была для простых людей. Рыночные отношения требуют инициативы, а при социализме не нужно было думать самим, все решало правительство, каждый все получал, как ребенок. Но мне кажется, что через 10 или 20 лет Магадан станет развитым, крепким городом. Сейчас разработан план развития до 2020 года. Магадан далеко от центра, у него тяжелое прошлое, и он хочет показать, что это город, который может успешно развиваться. Сейчас администрация стремится разбудить в жителях патриотизм, положительное отношение к своему краю. В центре города висит

большой плакат, на котором улыбающиеся Путин и Медведев и надпись: «Мы любим Магадан».

Пятница 1.10.

День отъезда. Я пробыла в отеле все утро, хотелось обдумать все, что видела. Цель моей поездки достигнута: я встретила отца, дышала воздухом, которым он дышал, ходила по улицам, по которым ходил он, и я его беру с собой. Увезу его из Магадана, потому что не думаю, что это было для него идеальное место. Теперь он будет со мной каждый день моей жизни, я с ним еще лучше познакомилась, немного узнала, какой жизнью он жил здесь в течение 14 лет. Около его могилы я смогла ему сказать, что он с нами, что я его дочь, пришла, чтобы его найти и сказать каждому, кого я встретила, что у него есть дочь. Никто здесь этого не знал – он не говорил о своей бывшей жизни. Хорошо, что напечатана статья в «Колымском тракте», теперь все, кто его знал, узнали о его другой жизни до сталинских лагерей.

Почему он выбрал после освобождения Магадан? Освободившимся политическим заключенным запрещено было жить в больших городах. Конечно, он хотел бы остаться в Москве, где живут родственники. Но пришлось ехать в Магадан. Из-за климатических условий в Магадане зарплата была в два раза выше, чем в Москве. Много месяцев в году минус 50 градусов. В Магадане в то время шло бурное строительство, нужны были рабочие руки. Работающим в условиях Крайнего Севера полагался раз в два года оплачиваемый шестимесячный отпуск, отпускникам оплачивали билет туда и обратно и перевозку багажа. Отец мог проводить в Москве отпуск, но не мог жить там постоянно. Сегодня все переменялось, и этих льгот почти больше нет. Надо сказать, что климат тоже переменялся – зимой здесь

«всего лишь» минус 30.

В начале 1960-х годов отец во время отпуска встречался в Ленинграде с приехавшими из Финляндии по туристической визе матерью и сестрой. И в дальнейшем во время отпусков он виделся с любимой сестрой и матерью. Они планировали после выхода на пенсию поселиться в водном городе, но в 1968 году отец умер.

Почему же я не ездила в Россию на встречу с отцом? Я вполне могла поехать из Парижа в Москву, но мне это никогда даже в голову это не приходило. Я была молода и очень занята новой жизнью – жены и матери, и меньше думала о родственниках. Моя мать никогда даже не намекала на возможность встречи. Но прежде всего, мне кажется, что я сама не была готова. Надо было ждать 70 лет и, главное, стать вдовой, чтобы снова вернуться к прошлому. Конечно, я жалею, что не видела отца, но я фаталист – значит так надо было.

Я поехала в аэропорт одна, так же, как и приехала. Не хотела, чтобы меня провожали, мне надо было остаться наедине со своими впечатлениями. В аэропорту я заметила, что если сдать сумку в багаж, то в Москве не успею на рейс в Париж. А сумка весила 20 килограммов – гораздо больше ручной клади. Тогда я попросила помощи служащих Аэрофлота, а в подтверждение показала статью в «Колымском тракте». «Видите, я приехала из Парижа в ваш город искать своего отца». Возможно, именно это помогло (этим я немного даже горжусь), и мне моментально оказали помощь. Мою тяжеленную сумку отнесли в самолет. В этой сумке были ценные вещи: 3 литра брусники, которую я сама собирала на сопках, рябиновое варенье, полудрагоценный камень, который мне дали в Геологическом музее и, конечно, книги. Когда работник аэропорта проверял мой багаж, он подпрыгнул, увидев в моей

сумке что-то продолговатое. Это была пластиковая бутылка из-под воды, полная варенья.

Перелет Магадан – Москва был тяжелый и утомительный. Всю ночь по самолету бегали дети, спать было невозможно. В Москве пришлось бежать бегом, чтобы не опоздать на самолет в Париж. Приехав в Париж, я очень долго приходила в себя после этой поездки.

Вскоре я поехала к сыну Фредерику в Альпы. Там меня пригласили в местную школу, чтобы я рассказала о ГУЛАГ'е и репрессиях в Советском Союзе в классе моей внучки Жюли. Я говорила о том, что я увидела сама, об отце, о лагерях.

Эпиграф

Я начала писать эти заметки в начале 2011 года, но, наверное, не была к этому еще готова. Летом 2011 года у меня обнаружили рак толстой кишки. Три длинных тяжелых операции. Но внутренне болезнь совершенно меня не затронула – мне кажется, она возникла, чтобы меня очистить, чтобы я все прошлое оставила позади. Поездкой в Магадан круг замкнулся.

Я все написала, и мне больше не надо ничего держать в себе. То, что я пережила в 2010 году, меня изменило. Я открылась прошлому, и это дало мне понимание. Перефразируя теология Тейяра де Шардеена – я впустила в себя свет, который помог мне яснее увидеть прошлое, лучше понять самое себя. Я будто новый человек. И теперь я свободна, счастлива, более уверена в себе.

МЖ-В

Перевод с французского языка:
Марианн Жюкелье и Галина Пронина

26. 09. 2014

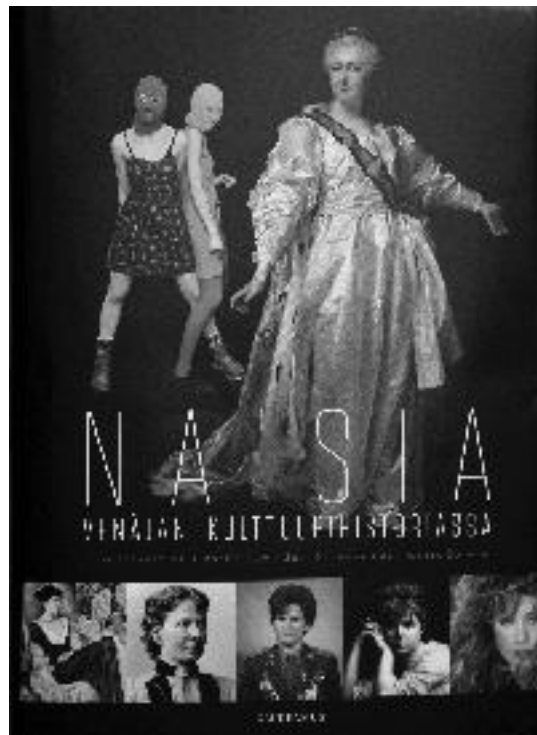
в университете Тампере

состоялся праздничный семинар в честь 40-летия образования Кафедры русского языка и культуры (прежде: Кафедра славянской филологии), в котором приняли участие преподаватели, студенты, выпускники и бывшие сотрудники кафедры.

Одним из прочитанных на семинаре докладов было сообщение профессора Арьи Розенхольм и лектора Ирины Савкиной *Miksi on tärkeää tuntea ja tietää venäläistä populaarikulttuuria* («Почему важно знать и изучать русскую популярную культуру»).

Русская популярная культура, также, как и гендерные исследования, культурная топография и экокритика входит в круг многосторонних научных интересов профессора Арьи Розенхольм, 60-летнему юбилею которой был посвящен еще один научный семинар, состоявшийся накануне, 25.09.2014. Кроме научных докладов и сердечных поздравлений коллег из разных университетов Финляндии на семинаре состоялась презентация посвященного юбилею Арьи Розенхольм специального номера журнала *Idntutkimus «Tila»*, а также только что вышедшего в издательстве Gaudeamus сборника *Naisia Venäjän kulttuurihistoriassa* («Женщины в истории русской культуры»), редакторами которого являются Arja Rosenholm, Suvi Salmenniemi и Marja Sorvari.

Журнал «LiteraruS»
поздравляет
профессора Арьи Розенхольм
с юбилеем,
выходом новой книги
и 40-летием
возглавляемой ею кафедры!

Ю
б
и
л
е
й
н
ы
й

с
е
м
и
н
а
р

Адрес: Парнас, Дельфы

6 июня 2014 года у горы Парнас в греческом городе Дельфы состоялось открытие бронзового бюста Александра Сергеевича Пушкина.

Один из организаторов установки монумента – президент Международной федерации русскоязычных писателей (МФП/IFRW), которая в настоящее время имеет своих представителей в 58 странах мира, писатель Олег Воловик подчеркнул: «Я исключительно счастлив тем обстоятельством, что этот памятник, который мы вывезли из Эстонии, оказался в таком святом месте – в Дельфах у горы Парнас. У этого монумента совершенно непростая судьба: он открывается впервые через 15 лет после того, как его создали. Он должен был быть установлен в городе Тарту (Эстония) в 1999 году к 200-летию со дня рождения великого русского поэта. С тех пор в результате совершенно немыслимых ударов судьбы на 15 лет он оказался в забвении».

«Мы вывезли этот памятник из (запретившей его установку) Эстонии сначала в Гамбург на грузовых автомобилях, затем через всю Европу он прибыл в греческий порт Пирей и впоследствии при помощи местных властей был доставлен к склонам прекрасной горы Парнас», – сказал писатель.

У Европарламента

Бельгия: *на связи* **UMONS**

Монс – небольшой университетский город в часе езды на электричке от Брюсселя. Утром и вечером улицы заполнены учащейся молодежью и замирают лишь во время студческих каникул. Уже несколько лет журнал сотрудничает с кафедрой устного и письменного перевода Университета г. Монса (UMONS). Именно благодаря такому сотрудничеству с 2012 года журнал *LiteraruS* стал выходить на французском языке. В марте 2013 и 2014 гг. преподаватели Университета приняли участие в семинарах, которые ежегодно проводит *LiteraruS*, и выступили с докладами.

Символ эпохи

В сентябре 2014 года главный редактор журнал Людмила Коль посетила UMONS, познакомилась с Центром русского языка, встретилась с преподавателями и студентами, рассказала о журнале, подарила библиотеке Центра последние номера LiteraruS'a, а также книги, которые выпустило издательство.

Слева направо: преподаватели Кафедры устного и письменного перевода Настя Даюрон, Бенуа ван Гавер, Александр Авеличев, Анн Делизе; справа – руководитель Центра Ольга Байнова.

На территории Университета

Профессор Александр Авеличев подарил журналу шутивную эпиграмму:

В сентябре Людмила Коль
К нам приехала в Ecole:
«Намотайте все на ус –
Лучше всех «LiteraruS».
Его шеф – Людмила Холод
Утоляет книжный голод.
От Гренобля до Суоми
Наш журнал ест в каждом доме». □

Набоковские чтения – 2014

В начале июля в Санкт-Петербургском Доме-музее Владимира Набокова состоялась международная конференция, приуроченная к 115-летию со дня рождения писателя. Известные набоковеды из многих стран мира обсуждали проблемы набоковского мастерства, внесшего выдающийся вклад в развитие мировой литературы двадцатого столетия на русском и английском и русском языках. Доклады и сообщения Татьяны Пономарёвой, Любы Тарви, Максима Шраера, Бориса Аверина, Михаила Ефимова, Елены Шварц и Савелия Сендеровича, Норы Шольц, Сергея Кибальника, Хёген Пак, Наири Гариповой и других исследователей стали новой страницей в увлекательнейшей науке набоковедении. Владимир Стоянов из Болгарии представил книгу переведенных им стихотворений Набокова-Сирина «Беспаспортная тень», изданную параллельно на языке оригинала, а также прилагающийся к изданию компакт-диск со своими песнями на набоковские произведения. Почетный гость форума писатель Андрей Битов рассказал о своих отношениях с произведениями великого писателя, с которым его нередко сопоставляют, и поддержал идею создания Российского Набоковского общества, которое будет заниматься изучением творчества и популяризацией идей всеединства культуры, завещанных нам Набоковым.

На фото:
участники конференции во дворе бывшего Тенишевского училища,
где учился Владимир Набоков

Алексей Филимонов

Москва, Дом русского зарубежья

22 сентября 2014 года в Москве в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына состоялось открытие фотодокументальной выставки «Уникальные автографы в семье Чириковых», приуроченной к 150-летию со дня рождения писателя Евгения Николаевича Чирикова.

Е.Н. Чириков является одной из наиболее ярких и интересных фигур конца XIX – первой четверти XX столетий. Он принял активное участие в литературном и общественном процессе рубежа веков, был знаком и дружил со многими писателями, артистами, музыкантами, художниками, учеными и политическими деятелями самых разных направлений и партий. Свидетельством искренности и взаимного интереса между Чириковым и его современниками стала коллекция уникальных автографов, принадлежащих М.И. Цветаевой, композитору С.В. Рахманинову его двоюродному брату, выдающемуся пианисту, ученику Чайковского и Рубинштейна А.И. Зилоти, примадонне Мариинского театра Н.П. Кошиц и всемирно известному русскому басу Ф.И. Шаляпину, детям писателей Л.Н. Толстого и Н.Г. Гарина-Михайловского, художнику Н.И. Фешину и скульптору С.Т. Коненкову, основателю первого нижегородского марксистского кружка М.Г. Григорьеву, члену семьи адвоката П.А. Рождественского и многим другим. Большинство из экспонируемых автографов еще никогда не были представлены широкой публике.

Открыли выставку потомки писателя – внучка В.Г. Чирикова и правнук М.А. Чириков, которые собирают и бережно хранят материалы, связанные с жизнью и творчеством Е.Н. Чирикова, и являются инициаторами создания музея писателя в Нижнем Новгороде. Приятной неожиданностью для всех гостей выставки стало вручение семье Чириковых выпуска журнала LiteraruS (№2 за 2014 год) с публикацией рассказа «Свидание», вошедшего в сборник Чирикова 1915 года «Эхо войны», который был посвящен пребыванию писателя на фронтах Первой мировой, и предшествующим ему историко-литературным предисловием, написанным исследователями творчества писателя профессором МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Михайловой и кандидатом филологических наук А.В. Назаровой, где раскрываются своеобразие и глубина этического-гуманистической позиции художника по отношению к грандиозному европейскому военному конфликту в сопоставлении с точками зрения его современников – М. Горького и Л.Н. Андреева. Это событие стало еще одним шагом к укреплению дружеских связей между журналом LiteraruS и Домом русского зарубежья.

На фото: стенд выставки; вручение журнала LiteraruS правнуку Михаилу Александровичу Чирикову

Журнал «LiteraruS» поздравляет
Семена Каминского
с юбилеем!

Ю
Б
И
Л
Е
Й
Ю
Б
И
Л
Е
Й

Семен Каминский

впервые опубликовал свой рассказ в журнале «LiteraruS» в №1/2010.

Он назывался «30 минут до центра Чикаго» и впоследствии дал название всему сборнику рассказов, который вышел в 2012 году.

В 2014 году писатель празднует свой юбилей. Автор книг «Орлёнок на американском газоне» (2009), «На троих» (2010), «Папина любовь» (2012), «Учебное пособие по строительству замков из песка», Семен Каминский хорошо известен русскому зарубежному читателю. Психологизм, лирическая тональность, иронический взгляд неизменно присутствуют в его произведениях.

Рассказы, новеллы и очерки Каминского широко публикуются в литературных изданиях в США, России, Украине, Канаде, Израиле, Германии, Финляндии, Белоруссии, Латвии, Дании, переведены на английский, французский и финский языки и пользуются успехом.

Он является лауреатом премий журналов «Дети Ра» (2011–2012), «Северная Аврора» (2012), «Сура» (2012), «Зарубежные записки» (2013).